

A close-up portrait of a woman with vibrant red hair styled in two braids. She is wearing a large, wide-brimmed, dark brown hat and a light-colored, textured knit sweater over a white lace-trimmed top. She is smiling and looking upwards, with her face partially in shadow from the hat. The background is a sun-dappled forest with tree trunks and green foliage.

Валентина ГВОЗДЕВА

ПРАВО
НА ЛЮБОВЬ

Областной
университетской
научной
библиотеке имени
Сабита Мухомова

в дар
от автора!

ноябрь 2022.

*Валентина ГВОЗДЕВА -
педагог и журналист.
Преподавала русский язык и литературу
в школах Петропавловска.
"ПРАВО НА ЛЮБОВЬ" -
второе произведение автора.*

**Валентина
ГВОЗДЕВА**

ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

г. Петропавловск, 2023 г.

УДК 821.161.1 (574)
ББК 84 Рус-44
Г 29

Г 29 Гвоздева В. Право на любовь. Петропавловск:
изд-во «Северный Казахстан», 2023. – 136 стр.

ISBN 978-601-7247-49-2

569691

В повести описаны судьбы трех подруг-старшеклассниц. Судьба одной из них сложилась трагически. Другие девушки хотят разобраться в случившемся и обращаются за помощью к священнику.

В основе лежат реальные события.

УДК 821.161.1 (574)
ББК 84 Рус-44

ISBN 978-601-7247-49-2

© Издательство «Северный Казахстан», 2023

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

ГЛАВА 1

Вера и Люба на утренней зорьке собрались за грибами в лес, который с трех сторон окружает их родную Михайловку. Ни ту, ни другую не нужно было будить: они давно привыкли вставать с петухами. Вера проснулась первой в доме, выпила стакан теплой воды с лимоном, этот подкисленный напиток давно рекламируют как прекрасное начало дня. Затем отрезала краюху ароматного домашнего хлеба, а на него кусок домашней колбаски, налила в литровую банку квасу. Потом аккуратно положила пакет с едой и специальный для грибников маленький ножичек в корзину и пошла к Любаше. Сейчас, думает, разбудю соню. Куда там: та уже сидела на лавочке у зеленых ворот и сладко зевала. Увидев подругу, прикрыла рот ладонью.

– Привет! Я думала, тебя придется будить, а ты молодец: «чуть свет, уж на ногах».

– «И я у ваших ног». Привет. Мы же договорились вчера, почему я должна была спать? Пошли, разбудим природу, – ответила Любаша, отчаянно мотая головой со светлыми кудряшками, чтобы остановить зевоту.

– Если будешь так сладко зевать, то наоборот усыпишь!

Обе засмеялись и, размахивая корзинками, направились в сторону леса.

Утро выдалось прекрасное: синее-синее бездонное небо с редкими облачками, а только что проснувшееся солнце уже сейчас обещает дать жару, птицы радостно перекликаются, желая друг другу доброго утра. Даже облака здесь, в родном селе, какие-то особенные, как в детской песне или мультике: то белогривые лошадки, то медведица с маленьким Умкой, а он будто говорит: «Я думал, люди пахнут дымом, а ты пахнешь молоком». А сейчас обе, подняв головы, разглядывали совсем недетское, не из мультика, облако, как оно прямо на глазах превращалось из толстого крокодила, который, видимо, только что проглотил крупного зверя, в неизвестное животное с длинным носом.

– Целый зоопарк на небе, ничего себе! – восхищенно подвела итог Любаша.

– Нужно говорить: «Ого себе», чтобы от тебя ничего не убавилось. Это еще что! Я недавно видела женщину с младенцем на руках.

– Где? – не поняла подруга.

– На небе, где же еще! Из облака, то есть облако в виде женщины с ребенком. Мне даже жутковато стало.

– Да ты что?

– Я же говорю: не по себе стало, чуть душа не выскочила. Хорошо, что она быстро изменила форму.

– Я бы тоже испугалась. А может быть, это хороший знак – Богородица с младенцем?

– Не знаю. Дай-то Бог!

Обе замолкли и стали любоваться пейзажами. Ох и красивые же здесь места! Многих в деревне держит эта красота, да еще напоенный ароматом полевых цветов и разнотравья воздух. Конечно, те, кто очень хотели, уехали в областной центр – небольшой уютный город Петропавловск, расположенный на самом севере Казахстана. Рабочих мест в Михайловке на всех не хватало, а в городе найти их было куда проще. Но там с жильем проблемы, хотя твердо решивших уехать из деревни это никогда не останавливало. Продавали свои дома с большими огородами, банями и другими многочисленными деревенскими постройками, обычно и с мебелью, хотя, было очень жаль расставаться с нажитым. А тяжелее всего прощаться с живностью, особенно

кормилицей-коровой. Но что делать... Хотелось двигаться вперед, к новой жизни.

Денег этих на покупку городского жилья, конечно, не у всех хватало, поэтому каждый решал свою жилищную проблему по-своему. Кого-то родственники принимали на время, кто-то снимал квартиру или дом, а неблагоустроенное жилье горожане сдавали намного дешевле, особенно если оно далеко не новое, да и находится где-нибудь на окраине. Дешевле, потому что вода в колонке на соседней улице или еще дальше, а все удобства во дворе или на огороде.

Были и такие, кто купили квартиру в Петропавловске, а дом и огород в Михайловке оставили как дачу. Семья бизнесмена Олейника так и поступила. Олег Петрович уже давно работал в городе, мотался каждый раз туда-сюда на машине, тут всего-то чуть больше 30 километров. Он держал сеть магазинов и, по слухам, собирался открыть ресторан с бильярдным залом, караоке и другими прибамбасами. Сначала приезжал в Михайловку, чтобы родителям помочь, а потом к жене, потому что она недолго прожила в городской квартире, на свежем воздухе ей больше нравилось. Но была и другая причина...

Стоял август, грибное время. Всю неделю лили дожди, как будто старались напоить матушку-землю про запас, а потом засияло солнце, озарило приветливой улыбкой лужи на улицах и лесных тропинках.

Подруги никогда не разбредались по лесу: слева – мое, справа – твое. Что тут делить, на всех хватит. Грибов навалом, а вот пообщаться, поделиться секретами, скопившимися за каникулы, дорогого стоит.

Беленькая, голубоглазая Любаша только что приехала из Екатеринбурга. Там, в уральской столице, как его называют жители, она гостила у брата. Какой красивый город! И большой какой! Огромный. Николай, по просьбе сестренки, три раза возил ее в зоопарк, а еще в цирк, театры, музеи, парки. Люба с трудом рассталась с этой красотой, когда пришло время прощаться.

Коля окончил Уральский государственный университет – и сразу женился, в общем, обосновался. Сам работал инженером-технологом, его молодая жена – воспитателем в детском саду. И, как поняла Люба, а она очень внимательная девушка, у них скоро появится малыш. С Колей на эту тему она, конечно, не говорила – это же не сестренка,

чтобы шептаться по душам. Он старше на шесть лет, к тому же последние лет 5 они почти не виделись.

Николай Винников еще студентом задумался о материальной основе своей будущей семье и каждый год летом вкалывал на стройке. Теперь у них своя двушка, купленная на его сбережения и хорошую помощь родителей Евы. Черноглазая молодая женщина с копной темно-каштановых кудряшек несколько раз во время завтрака стремглав выскакивала из-за стола и бежала в туалет, а возвратившись, не сразу садилась за стол. Сначала в спальню зайдет, полежит на кровати, придет в себя, а потом уж продолжает прерванный завтрак. Люба знала, что это называется токсикозом. Она с детства интересовалась разными заболеваниями: почему появляются, как лечить и, главное, предотвратить. И вообще она после школы собралась поступать в медицинский колледж, потому что медицина – ее призвание. Правда, брат советовал сразу в мединститут, чтобы время зря не терять, но Любаша пока еще не вняла его аргументам. В колледже после 11 классов учатся два года и 10 месяцев, не то что в вузе. А потом можно и продолжить учебу, если будет желание. А

нет, ну и ладно: квалифицированные специалисты среднего звена в селе тоже на вес золота. Люба свою дальнейшую жизнь связывала только с родной Михайловкой.

Она часто вспоминала: когда была совсем маленькой, еще и в школу не ходила, очень любила слушать своего деда Михаила, да и он в ней души не чаял, кругом с собой брал: в лес, на речку, в областной центр. Научил малышку правильно грибы собирать, лекарственные травы, даже удочку давал подержать и показывал, как червяка насаживать.

– Деда, а наше село назвали как тебя? – спросила как-то пятилетняя внучка.

– Нет, наоборот, меня назвали в честь Михайловки.

– Почему?

– Ну как! Мы здесь родились, выросли, корни наши глубоко в этой земле сидят.

Потом много раз возвращались они к этой теме. Дедушка незадолго до смерти часто повторял:

– Я думаю, надо так жить: где родился, там и сгодился. Вон Кольша уехал отсюда и как обрубил. Нехорошо это, неправильно, я думаю...

Люба часто с большой теплотой вспоминала его. Дед у нее был один. Второго она не видела ни разу. Один, зато какой! Герой Великой Отечественной войны, защитник блокадного Ленинграда. Он ушел из жизни, а дома в память о нем осталась коробочка с наградами: орденами и медалями. Дед Михаил не любил рассказывать о войне, только в День Победы иногда предавался воспоминаниям. Люба помнит каждый его короткий рассказ чуть ли не наизусть...

– Смотри, смотри: лисички! – весело вскрикнула Вера, прервав воспоминания подруги. – Ох сколько! Огромная семья. Вот нажарим!

– Лисички... Надя их больше всех других грибов любила.

– Да, Надюха бы их сейчас все забрала – и на жареху хватило бы им с мамкой, и заготовки сделать на зиму.

– Вера, узнаешь эту солнечную полянку?

Девушка выпрямилась, огляделась и вдруг тоненько заплакала, садясь на траву.

Любава подошла к ней, обняла:

– Надо же, ноги сами нас привели сюда, давай, как вернемся, помянем Надю, может, она скучает там по нас. Говорят, души 40 дней в

родных местах остаются. Значит, ее душа где-то рядом. Купим конфет, грибов нажарим, на могилку сходим.

– Сходим, – эхом отозвалась расстроенная Вера, вытирая слезы кончиком белого, в крапинку, бабушкиного платка. Она весь июль гостила у родной тети в Москве. Эх, если бы знать, что в это время случится непоправимое. Ни за что бы не уехала.

ГЛАВА 2

В 10 классе их звали «Виагра»: три подружки – блондинка, рыжая и брюнетка – классическое трио на экранах телевизоров. Надя была рыженькой. Почти год назад, как раз перед 10 классом, так же как сейчас, пошли девушки в лес и стали свидетельницами непривычного зрелища. Точнее, до конца все, что там произошло, увидела только Надя.

Как занесло в этот лес, на солнечную поляну, черную блестящую иномарку – это вопрос. Трасса шла не очень далеко, но не так уж и близко. Может, ехали себе, ехали и вдруг захотели найти укромное место подальше от дороги. А может, и специально собрались на природу, отдохнуть и расслабиться.

Увидев сверкающую на солнце машину, девушки отошли подальше от поляны и встали за деревьями.

– Ну вот тебе и собрали грибов, – шепотом возмутилась Вера. – Сейчас городские быстро тут управятся.

– Да уж, сколько их там, интересно? – подержала Веру Любаша. Надя промолчала, но им показалось, что как-то напряглась их третья подружка, сжалась в комок. С чего бы это? Рыженькая не из пугливых. Наоборот, она с раннего детства умела и за себя постоять, и других защитить. Одноклассники давно забыли, как дергать девочек за косички или как-то по-другому грубо проявлять внимание. И это только благодаря Наде Андреевой.

Мама ее жила без мужа, как и многие женщины в селе. Отца Надя никогда не видела. Сначала спрашивала у мамы о нем, но та однажды, под горячую руку, резко закрыла тему:

– Этот подонок не имеет права, чтобы мы о нем вспоминали даже.

Село есть село, слухи распространялись со скоростью ветра. Симпатичная, полненькая, рыжеволосая Лида Андреева, мама Нади, конечно, не отличалась идеальным поведе-

нием, но и не пускалась во все тяжкие. Родилась она в Михайловке, окончила ту же школу, в которой училась дочь, другой здесь и не было, даже учителя были те же самые, за небольшим исключением. Училась без особого старания, поэтому не давила на Надю, которая была похожа на нее не только внешне, но и упрямым характером. После школы Лидия никуда не поехала поступать, а, окончив краткосрочные курсы делопроизводства, устроилась на работу в сельскую контору – секретаршей. С руководством и посетителями-односельчанами ладила прекрасно, с сотрудниками близких отношений не заводила, но общалась легко, угощая всех желающих ароматным чаем, настоящим на травах.

На подворье родители Лиды держали только птицу: кур, уток и гусей. А когда матери и отца не стало, Лида тоже не захотела заводить корову: молоко можно было купить очень дешево в любом дворе, а то и даром наливали баночку.

Надя с малолетства помогала матери. Особенно любила ухаживать за малышами: цыплятами, утятами и гусятами. Пока кормила, каждого погладит и поцелует. «Так же и сво-

их детей будет любить и ласкать», – думала, с улыбкой глядя на дочь, Лидия.

Да, конечно, приходили к незамужней женщине мужчины, не без этого. Но не так, как к гоголевской Солохе, гуськом. Лида дружила сначала с Петром, водителем грузовика. Тот изредка приезжал, помогал по хозяйству, приносил что-нибудь из продуктов, заготавливал на зиму уголь и дрова. Они садились за стол, выпивали, закусывали. Всё тихо, без приключений. Надю на часок-другой мама отпускала к подружкам. Когда девочка возвращалась, дяди Пети уже не было. Потом он неожиданно для всех уехал в город, на его место приняли Сергея. Что это было: преемственность такая или еще что, но через короткое время Лидия начала встречаться с ним. Точнее сказать, он начал подбивать к ней клинья. Мужчина тоже был свободный, как и Лида, но моложе ее лет на пять-шесть.

Вера Петрова с Любой Винниковой в начальной школе дружили вдвоем. Надю они как будто не замечали, и пути их, ведущие к дружбе, не пересекались. Но однажды – это было в пятом классе, в конце первой четверти – учительница русского языка и их классный руководитель Ольга Николаевна Зарубина

попросила подружек после уроков помыть столы, на которых недобросовестные мальчишки поначеркали что попало.

– А почему мы? – Вера всегда стояла за справедливость, ее черные глаза блеснули гневом. – Кто замарал, тот пусть и моет.

– Они так помогут, что нам все равно перемывать придется, – возразила Ольга Николаевна. – Мы найдем способ, как их проучить.

– А что, только мы двое будем мыть весь класс? – не унималась черноглазая девчушка с двумя длинными темно-каштановыми косами.

– Давайте я вам помогу, – предложила Надя. Она была дежурной по классу и в это время мыла доску.

– Вот и хорошо, не дожидаясь ответа учениц, подвела итог классная руководительница. – Втроем вы быстрее управитесь, мои дорогие помощницы Вера, Надежда и Любовь! Те переглянулись и рассмеялись.

Домой девочки пошли вместе, все в одну сторону, только Наде нужно было идти по другой улице. Вера с Любой проводили ее до дома и весело попрощались.

– А она ничего, шустрая и веселая, – решила Вера.

569694

– И смешная, – поддержала подругу Любаша.

– Да, с чувством юмора.

– И драться умеет. Я видела, как она Витьке Гусеву врезала, когда он дернул ее за косу. Прямо по лицу как заехала!

С тех пор они возвращались домой из школы уже втроем...

Вместе ходили в лес за грибами и ягодами. Надя помогала Любе и Вере собирать целебные травы и корни.

В то утро, когда на солнечную поляну заехала машина, девушки пережили нештучный стресс. Особенно Надя.

Иномарка плавно остановилась как раз у края поляны. С водительского места, открыв рывком дверцу, вышел веселый молодой мужчина, рот до ушей, с бритой головой и темной бородкой. В руках он нес клетчатый плед, который расстелил прямо в центре поляны, на мягкой сочной траве. Девушки переглянулись, пожимая плечами.

– Спать что ли собрался? – спросила шепотом Вера. – Или загорать? Нашел место! – Остальные приложили пальцы к губам. Мужчина рывком снял черную футболку и начал расстегивать темно-синие джинсы.

Оставшись в одних трусах, он вернулся к машине, открыл дверцу заднего сиденья и помог выйти красивой пышноволосой блондинке. Та очень грациозно, мягкой кошачьей походкой подошла к пледу, сняла модные босоножки, поправила зачем-то волосы и стала стягивать ярко-голубую футболку с красивым рисунком – большими красными губами и надписью на английском языке: «Поцелуй меня». Увидев это, Вера и Люба сначала попытались, потом развернулись и бросились бежать подальше. Они думали, что и Надежда поспешит за ними, но та осталась, отойдя за толстый ствол дерева.

Под футболкой у блондинки бюстгальтера не оказалось. Мужчина снял плавки и начал обнимать и целовать пышноволосую. Потом они вдвоем стянули ее джинсы, надетые тоже на голое тело, и та грациозно опустилась на плед.

– О Боже, – еле слышно произнесла Надя. Она понимала, что нужно уходить, но ноги словно приросли к земле.

Мужчина начал обхаживать блондинку, а Надежда то крепко зажмурилась, то вновь смотрела, не мигая, ловя себя на остром желании пойти туда, к ним. В низу живота было

такое ощущение, как будто спускаешься с высоты на «Американских горках» в городском парке – зажигалась лампочка, которая вот-вот взорвется.

Когда машина наконец уехала, Надя не сразу поднялась с травы. Казалось, что ей было плохо: сильно кружилась голова и подташнивало. Придя в себя, она встала и обнаружила, что подруг и след простыл. Звать их она не стала, а сама не своя подошла к тому самому месту, где были примяты травы и цветы, легла на ложе чужой любви и заплакала.

ГЛАВА 3

Дом Олега Петровича Олейника был самый красивый в Михайловке. Хоть и одноэтажный, но высокий, с мансардой, частично крытым двором, садом и большим огородом. Его жена Ирина давно уже не работала, хотя с Ольгой Николаевной училась в одной группе университета, и тоже могла бы преподавать в школе русский язык и литературу. Так и было сразу после распределения. Она поработала в школе всего один год, а потом вышла замуж за перспективного выпускника Карагандинского политехнического института, будуще-

го инженера. Олег Олейник – это сочетание звуков для Ирины лилось сладкой музыкой – сразу же, как только приехал к родителям на лето, заметил очень красивую молодую учительницу с хорошей репутацией домашней девочки. Лучшей невесты и не найти. Ухаживал Олег недолго: зачем медлить, если решение принято. Отец молодого человека выбор одобрил, кивая и довольно поглаживая бороду. Через месяц они расписались и уехали в Петропавловск, где муж устроился по специальности на машиностроительный завод. Молодым дали общежитие, и семья начала обустраиваться.

Зарплата начинающего инженера совсем не устраивала делового, предприимчивого мужчину. В выходные он мотался в Омск – за товаром – и привозил оттуда в двух огромных клетчатых сумках все, чего не было в родном городе: кофе, шоколадные батончики, жевательную резинку, импортные сигареты и спиртные напитки. Ирина продавала все это на рынке, стоя рядом с другими такими же мелкими торговками. Мелкими они сами себя называли. Это на самом деле и был не просто малый бизнес, а совсем уж крохотный. Навар получался небольшой, но все же был. Для

начала это многих устраивало – раньше-то и вовсе без денег сидели – в лихие девяностые подолгу задерживали зарплату или выдавали тем, что производили. Заводчанам не выдавали ничем.

Потом Олег стал привозить в основном только вино-водочную продукцию и сигареты, вскоре поставил свой собственный ларек на хорошем, людном месте, заплатив кому надо какую нужно сумму. Купил машину, ушел с завода и арендовал продовольственный магазин опять же на хорошем месте, возле перекрестка самых многолюдных улиц: Мира и Интернациональной. Он как будто родился купцом, так и пошло у него все как по маслу. Ира уже не стояла за прилавком, она родила чудесного малыша и занималась его воспитанием. Олег стал мотаться в Москву, а иногда и за границу, чаще всего в Польшу. В дороге познакомился с таким же начинающим бизнесменом Андреем Ковалевым. Вскоре вдвоем они выкупили магазин у бывшего хозяина и стали подумывать еще об одном. Квартиры у молодой семьи пока не было, комнату в заводском общежитии пришлось освободить, и Олег отвез жену с ребенком в Михайловку, чтобы убить сразу

двух зайцев: растить сына на свежем воздухе и помогать родителям по хозяйству. Сам он спал, по его словам, в подсобке магазина, а приезжал к жене и родителям раз в неделю, а то и реже. Главной же его задачей было работать на квартиру.

Но с квартирой как-то пока не получалось: то одно, то другое. Сначала хотелось расширить бизнес – укорениться. Жена настаивала на собственном жилье, со свекрами жить себе дороже, и Олегу пришлось построить дом в Михайловке.

Отношения снохи и свекровь нельзя было назвать теплыми. Точнее сказать, со свекровью как раз более-менее сложилось взаимопонимание. А вот со строгим свекром – нет. Он был родом из Курской области, его с братьями и сестрами родители во время Великой Отечественной войны привезли в Северный Казахстан. Отец в дороге умер, так что в Петропавловск прибыли без главы большого семейства. Это место по праву занял старший сын – Петр, который отличался крутым нравом, замашками командира и неплохими организаторскими способностями. Все эти качества 14-летнего подростка помогли его матери с пятью детьми – младшему было все-

го 3 года – пережить трудное военное время, вырастить малышей.

Петр Олейник женился поздно, уже после того, как поступил в институт самый младший братишка – Иван.

– Ну все, Ванюша, – подвел черту старший брат, – мне пора отделяться и жить своей жизнью. Уж 28 лет, когда же своих детей растить?

– Я понимаю, Петя, – ответил тот, опустив голову, – дальше сам пробьюсь. Буду подрабатывать грузчиком, родители, наверное, помогут поначалу. А не помогут, сам справлюсь.

Жену Петр выбрал себе работающую, тихую и послушную. Мечтал о детишках. Но из-за женских недугов родила Наталья только одного ребенка – Олега – и души в нем не чаяла. Отец же воспитывал сына жестко. Правила жизни формулировал четко и уверенно, как дрова рубил.

– Жена должна быть у мужчины одна, а любовниц столько, сколько ему нужно.

– Можешь, конечно, выслушать женщину, но сделать по-своему. Женщины – слабые помощники в важных вопросах. Их дело – детей растить и борщи варить.

Сын послушно принял в подготовленную почву семена наставника и успешно прорастил их.

ГЛАВА 4

Олегу не спалось. Зачем легли так рано? Еще не было 11 вечера, а супруга уже постелила белоснежную простыню, зная пристрастие редко бывающего дома мужа к свежему постельному белью. Его возбуждал специфический запах простыней и пододеяльников, ни разу до того не использованных.

Вскоре Ирина, довольная, уснула. А Олег смотрел-смотрел на ее округлившееся лицо, сеть мелких морщин вокруг глаз, начинающее полнеть тело, да и решил потихоньку, осторожно встать. Ему хотелось свободы: погулять, посидеть где-нибудь на природе, искупаться в речке. Особо в селе не разгуляешься: кругом любопытные глаза и уши. Потому-то и приезжал он в Михайловку редко. После того как сын Никита вырос и уехал учиться в Москву, Олег сначала посоветовал жене жить здесь с весны до осени, чтобы заниматься огородом, а потом и большую часть

времени. А сам остался один в просторной городской квартире. Ну как один...

Женщины составляли весомую и лакомую часть его жизни.

Июньский вечер обдал чудесными, неповторимыми ароматами лета и нежным теплом. Только в эти часы и гулять, днем-то какая жара стоит – пекло. Взяв полотенце, он отправился в шортах и сланцах к речке Есиль. Стройные ноги, загорелый торс, накачанные мышцы, ни одного седого волоса – молодец хоть куда, и не скажешь, что уже перешагнул сорокалетний рубеж! Да и 40 лет – это для мужчины не возраст.

На душе ловеласа творилось что-то невообразимое, как будто он только что попробовал необычно вкусный соус: интригующую смесь острого, пряного и сладкого. «Интересно, - подумал Олег, - каким же должно быть основное блюдо при таком уникальном сопровождении?»

Подойдя к берегу в том укромном месте, которое облюбовал очень давно, он увидел на одном из кустов красные трусики и маленький пестрый халатик. Вот те раз! Кто это может быть? Все жители купались в одном, приспособленном для пляжа месте. Там и пе-

сок каждый год привозили, и мостик был, и деревья, подступавшие к берегу, вырублены. Впрочем, в это бархатное время, на удивление, и на пляже Олег заметил всего около десятка человек. Отойдя за куст и приставив ладонь ко лбу, он начал всматриваться в водную гладь. Сначала из-за прощального сияния закатного солнца ничего невозможно было разглядеть, но потом он увидел рыженькую голову девушки с длинными распущенными волосами, которые плыли, казалось, сами по себе, рядом с хозяйкой.

Олег решил не смущать ее и, отойдя от берега, присел на траву за кустами. Уходить не хотелось: пришел искупаться, значит, насладится парной водичкой в свое время. Рыженькая наконец подплыла к мелкому, по пояс, месту и пошла к берегу. В кружеве заходящего солнца она показалась Олегу обворожительной. Настоящая Афродита, выходящая из морской пены. «А вот и шикарное блюдо, предчувствие с соусом меня не обмануло». Сердцеед почувствовал, что желание, гораздо более сильное, чем при встрече с женой, накрыло его мощной волной.

Между тем ничего не подозревающая Надя медленно вышла на берег, отжала волосы и

начала натягивать трусики, активно шевеля красивыми бедрами. Грудь у девушки тоже была потрясающей, довольно полной при тонком стане. Потом она грациозно накинула халатик и собралась уходить. Тут Олег решил заявить о своем присутствии и поднялся из укрытия.

– Ой! Кто вы? – удивилась златовласка, впрочем, не показывая испуга.

– Я тот, кто много лет назад выбрал именно это место для купания, подальше от пляжа.

– Да что вы говорите! Это я давно здесь купаюсь, даже не я, а мы с подружками. Только сегодня я пришла одна.

– А где же подружки?

– Уехали на каникулы кто куда.

Видно было, что златокудрая красавица не робкого десятка и за словом в карман не полезет. Олег снял с плеча полотенце и протянул златовласке.

– Вытри волосы, а то вон какие длинные, сейчас промокнешь насквозь.

Та молча взяла и, загадочно улыбаясь, начала священнодействие со своими прекрасными волосами. Как будто специально дразня мужчину, Надежда изящно изогнулась сначала в одну сторону, потом в другую, медленно

вытирая каждую прядь отдельно, потом обвязала полотенце вокруг головы в виде чалмы и поинтересовалась, улыбаясь еще загадочнее:

– Я замочила полотенце, оно же все мокрое. А как же вы теперь будете вытираться?

– Да, я как-то не подумал. Давай услуга за услугу. Я сейчас немного искупнусь, а ты посиди тут, посохни. А полотенце повесь на кустик.

– Оно же не успеет высохнуть.

– Ничего страшного! Мы посидим, поговорим, познакомимся, а тепла хватит, чтобы высушить его. Согласна?

– Да, только не очень долго купайтесь.

– Заметано.

– Что?

– А разве вы так не говорите, договариваясь о чем-нибудь?

– Нет, мы говорим «окей».

Олег захохотал, откинув назад голову.

– Как же я мог забыть! Окей, вау, что там у вас еще в моде, юные подражатели американцам?

– Ничего, – нехотя ответила незнакомка, и видно было, что с таким определением она не согласна.

Олег побежал к воде и, сняв шорты, с наслаждением погрузился в ее парную влагу. Надя, не отводя глаз, следила за тем, как ловко, быстро и красиво плывет мужчина. Что-то было в нем такое – настоящее, мужское, сильное, что зацепило ее душу. Почему-то всплыла в памяти солнечная поляна, где она такое увидела! Ей захотелось познакомиться с ним поближе.

Выйдя из воды, Олег, не вытираясь, в одних плавках присел рядом с Афродитой.

– Я, конечно, здесь редко бываю, но вроде бы знаю всех жителей. Ты недавно приехала?

– Что вы! Я здесь живу уже 17 лет, с самого рождения.

– Кто твои родители?

– У меня только мама Лида, работает секретаршей в конторе, точнее, в акимате.

– Да? Вот кого ты мне напомнила, теперь понял. Ты рыжая в маму. С Лидой Андреевой мы учились в школе, только она моложе меня года на два-три. Или чуть больше.

– Маме в этом году исполнится 38. А мне 18.

– А, ну понятно. Да это не имеет значения.

– Я вас теперь тоже узнала. Вы женились на бывшей учительнице. А дом у вас самый большой в селе.

Олег хохотнул:

– Вот уж не думал, что меня будут узнавать на родине только как мужа бывшей учительницы. – А у тебя есть парень?

– А вам зачем? – удивилась Надя и, не дожидаясь ответа, призналась: – Был, а сейчас нету.

– Куда же он делся от такой красоты?

– В город уехал после школы.

– И что? Город не за семью морями.

– Не знаю. Как в воду канул.

– Это хорошо, – задумчиво произнес Олег, как будто про себя.

Надя удивленно посмотрела на него и вдруг вспомнила, как он приходил зимой в школу и помогал директору повесить в коридоре большой красивый стенд «История нашей школы». Поместили там фотографии лучших выпускников прошлых лет и бывших директоров.

– А почему вы не вытираетесь? Полотенце-то уже, наверное, подсохло. А мне пора домой, – сказала незнакомка безо всякого перехода, поднимаясь с травы.

– Да, уже скоро начнет темнеть. А как тебя зовут-то? – спохватившись, поинтересовался Олег.

– Надя, – оглянувшись, ответила та. – Рада знакомству.

– А я так очень даже рад. Надеюсь, скоро увидимся.

Он хотел пойти за прекрасной златовлаской и уже сделал несколько шагов, но передумал и опять сел на траву, глядя на серебро водной глади. Смешанные чувства роились в нем. Целая гамма предчувствий и ощущений. И не все они были приятными. Какая-то ложка дегтя в бочке меда не давала полного ощущения радости от встречи.

– Что же я ее на завтра не пригласил? – запоздало пожалел не на шутку взволнованный мужчина. – Ладно, сам приду, может, опять повезет увидеться. – О том, чтобы утром, как обычно, вернуться в город, не было и речи.

ГЛАВА 5

Сколько помнила себя Любаша, великий праздник День Победы отмечали в их семье с особой радостью и гордостью: и когда дед Михаил был жив, и потом. И не только в их семье. Хоть яростный огонь с фронтов сюда не долетал, люди помнили всех односельчан: и кто вернулся с войны героем, и кто

остался навеки лежать в незнакомой дальней стороне.

С нежностью Любаша вспоминала рассказы дедушки. Немного выпив пива, тот брал ее, еще маленькую, но уже способную все понять, на колени и рассказывал. Это не были описания сражений, атак, смертей или похорон погибших. Только светлые, с изрядной долей юмора, эпизоды. Дед Михаил так увлекался воспоминаниями, что очки неизменно сползали с влажного носа, а совершенно белые волнистые волосы выглядели так, как будто рассказчик только что вернулся домой после ливня. Люба слушала и гладила по голове родного человека, как маленького ребенка, а очки постоянно возвращала на их законное место.

– Значит, так. Дали нам как-то дуста, чтобы мы в землянке хорошо все обработали и еще долго не заводились никакие насекомые, а уже навязавшиеся сдохли без следа. Ну вот. Нам дали, а мы и рады. Так насыпали кругом, что дышать стало вообще нечем. Вот мы и повылазили наружу, не хуже тех насекомых. Чуть не задохнулись, значит. Вот ведь как бывает, чуть не померли от передозировки. Еле прокашлялись и прочихались. Крепкая штука

– дуст. Это нам повезло тогда, что фашисты не заметили нашего появления на поверхности, а то бы нас как тех насекомых. Эх, да.

А то вот еще случай был. Нам на фронт из тыла люди добрые присылали кто что мог. Кто варежки свяжет, кто шарф, там, или кiset для махорки, а кто и саму махорочку отправит. А девчата с Урала однажды прислали книгу. «Ну и дела, думаем, зачем нам книга, когда нам ее читать. Да еще толстая такая – справочник какой-то, не помню. А потом выяснилось, что это была и не книга вовсе. Они из нее страницы посерединке вырезали для емкости, а по краям вроде бы как книга. А внутри, представляешь, чеснок, да такой ядреный, много чеснока, значит, и письмо. Девчата писали, что у них нынче хорошо этот жгучий овощ уродился, чтобы мы его употребляли и не болели никакой заразой. А еще пожелали нам бить проклятых врагов и гнать их с родной земли. Вот как, Любашка! А мы и гнали, аж до Берлина.

– И ты, дедушка, до Берлина?

– Нет, мне не повезло: ранили, проклятые, в ногу, кость задели, да еще контузили. В январе сорок пятого уже.

– А что такое контузили? Как это?

– А это когда в голове все как будто взрывается. С той контузии и слышать плохо стал.

После душевных откровений дед начинал напевать любимую песню «Одинокая гармонь», а Люба тихонько подпевала. От песни становилось грустно и светло, хотелось, чтобы гармонист побыстрее нашел свою радость, которая не знает, что ее ищут.

Михаила Винникова много раз приглашали в школу выступить перед учениками. Он долго отказывался. А вот Ольга Николаевна все-таки уговорила, сказав, что не только Любаша должна гордиться героем, но и ее одноклассники тоже. Это было уже в восьмом классе. Сначала ребята спели песню «День Победы», потом предоставили слово бывшему фронтовику Михаилу Степановичу. Он хотел, было, встать, но Ольга Николаевна сказала:

– Сидите, сидите. Это мы должны перед вами стоять.

Ребята слушали в полной тишине, потом проводили всей гурьбой деда Мишу и Любу до самого дома. Потом еще долго стояли, о чем-то переговариваясь, напротив соседних ворот. Тем же вечером двое одноклассников принесли букет живых цветов – для героя-ве-

терана. А дед позвал их к столу и угостил очень вкусным травяным чаем с пирогом, который испекла его дочь, мама Любы Татьяна. Она когда-то в молодости трудилась в пекарне и знала немало секретов выпечки хлеба и булочек. Потом окончила медицинское училище и всю жизнь работала медсестрой в поликлинике.

Где достали цветы, Любаша узнала лишь на следующее утро. Оказалось, что у одного из приходивших в гости мальчиков отец работал в областном центре на железной дороге. Получив по телефону задание от сына, он после смены купил в городе букет и привез домой.

– Ох и хорошие у тебя одноклассники! – восхищался дед Миша, – с душой.

– Ну вот видишь, а ты приходишь к нам в школу не хотел.

Юра Кисленко – тот самый мальчик, который заказал отцу цветы – с памятного чаепития стал с особым интересом поглядывать в сторону Любаши. А через несколько дней решил действовать целенаправленно: подошел к ней на большой перемене и сказал, нисколько не смущаясь:

– Люба, я хочу с тобой дружить. А ты хочешь?

– Ну, не знаю...Ну давай.

– Хорошо, – просиял тот, – тогда сегодня давай пойдем домой вместе. Я тебя провожу.

– Ну давай.

«Как будто других слов не знаю, кроме «давай», – упрекала себя Люба, возвращаясь с перемены в учебный кабинет.

Юра оказался очень интересным собеседником и совсем не робким подростком. Встречались они чуть больше года. А после 9 класса он уехал вместе со своей семьей в Петропавловск, где его отец к тому времени купил и обустроил дом. В городе Юра поступил в железнодорожный колледж.

ГЛАВА 6

Черноглазая темноволосая Вера пошла внешностью в маму Наталью Васильевну. В роду у них были не то болгары, не то турки. В любом случае, нрава она была крутого, горячая кровь не позволила ей долго терпеть часто выпивающего мужа – отца Веры. И тот благополучно растворился на просторах Вселенной, когда девочке исполнилось три

года. Поднимать малышку помогла Верина бабушка, тоже Вера, свекровь Натальи.

В отличие от своенравной снохи, Вера Ивановна была спокойной, сдержанной и терпеливой, как и положено учителям. Больше тридцати пяти лет работала в сельской школе, учила малышей читать-писать-считать. Она охотно помогала снохе растить внучку, раз уж так вышло. На пенсию Вера Ивановна вышла недавно, в прошлом году, и бывшие ученики нередко заглядывали на огонек к любимой учительнице.

Особенно часто заходили пятиклассники. Известно, что за четыре учебных года дети прирастают к своей первой учительнице, а потом попадают в среднее звено, где много предметников, да еще новый классный руководитель, да еще незнакомые кабинеты. Нелегко сразу привыкнуть. Вот и помогала им Вера Ивановна, опекала первое время. Выслушивала новости, давала советы, угощала чаем с конфетами.

Вера, видя, как бабушка общается с учениками, сказала однажды:

– Я тоже хочу стать учителем начальных классов. А еще я хочу быть таким же хорошим учителем, как ты.

– Вот и славно, одобряю. Это благородное дело. У тебя получится.

Больше к теме выбора профессии не возвращались, потому что Вера знала, куда подаст документы после школы – в педагогический колледж. А потом можно и университет заочно окончить.

Наталья Петрова действительно не знала, где ее благоверный мотается столько лет, да и жив ли он. Свидетельство о заключении брака да неприятные, в основном, воспоминания – это все, что осталось от него. И не мужняя жена, и не свободная. Соломенная вдова. Впрочем, живя в доме свекрови, женщина и не помышляла о другом мужчине. Хотя, если бы было у нее желание завести себе человека для серьезных отношений, наверное, отсутствие бракоразводного штампа ее бы не остановило. Как говорится, нет мужа – нет проблемы, а формальности можно было уладить законным путем. Но Наталья не хотела другого отца для единственной дочери. Замуж она вышла по горячей любви и, видимо, оказалась однолюбом.

Они познакомились очень романтично. Когда-то ее бывший муж Виктор, отслужив в армии и вернувшись в родные края, зашел

в областном центре в столовую подкрепиться. Время было обеденное, голодный народ все прибывал. С подносом в руках красивый плечистый парень в военной форме, покрутив головой, увидел, наконец, свободное место возле темноволосой девушки.

– Разрешите, красавица, рядом с вами приземлиться.

– Разрешаю, – бодро ответила та, придвигая к себе нетронутые еще блюда: котлету с гречкой и компот. Одна тарелка была уже пуста, только на дне виднелись остатки борща. – Ставьте поднос, места всем хватит.

– Ух ты, а у нас, похоже, вкусы совпадают! Посмотрите-ка!

Наташа взглянула на содержимое подноса, там красовались те же самые блюда, что и у нее: борщ со сметаной, котлета с гречкой и компот. Она невольно рассмеялась:

– А что там еще брать-то?

– Ну не скажите! Несколько первых блюд, разные гарниры, салаты.

– Да, вы, наверное, правы, – согласилась смуглянка.

– Виктор, – выпалил безо всякого перехода парень.

– Наталья, – только и оставалось ответить
гой.

– Прекрасное имя! Приятного аппетита!

– И вам.

Из-за стола поднялись вместе, вышли из
столовой тоже одновременно.

– Вам куда? – поинтересовался Виктор.
Ему не хотелось терять из вида новую зна-
комую.

– В колледж, у нас сейчас зачет по буху-
чету.

– Значит, на бухгалтера учитесь, – подвел
итог молодой человек. – Это неплохо. А у
меня мама учительница. Очень хорошая.

– Хорошая учительница или хорошая
мама? – почему-то решила уточнить Наташа.

– И то, и другое. Я хочу тебя познакомить
с ней.

Девушка на минуту растерялась. Но воз-
ражать не стала.

– Мне пора. Я записалась в первую ше-
стерку.

– Ни пуха ни пера! Удачи! – пожелал Вик-
тор.

Сдав зачет, Наташа вышла из корпуса тех-
никума. Она не сумела скрыть удивление, ког-

да увидела, что ей навстречу идет, радостно улыбаясь, новый знакомый.

ГЛАВА 7

Олегу не спалось: перед глазами стояла златокудрая, стройная красавица, по голому телу которой волнующе стекали и стекали капли. «Моя Золушка», – сладко думал он. – «Моя золотая девочка». Несмотря на срочные дела, он и не собирался возвращаться утром в город. На удивленный взгляд жены сухо ответил: «Успею. У меня и здесь дел полно». Он достал телефон, позвонил заместителю и дал несколько указаний.

Однако в селе у него дел практически не было. Олег с невероятным нетерпением ждал вечера. И новой встречи на речке. А чтобы супруга не крутилась перед глазами с удивленным лицом, мужчина пошел в школу, чтобы встретиться с кем-нибудь из администрации и предложить материальную помощь. На самом деле он не горел большим желанием вкладывать деньги в ремонт, но сейчас нужно было кое-что узнать про исчезнувшую красотку.

– Здравствуйте, Олег Петрович! Очень рады видеть вас! – расплылась в улыбке бывшая подруга Ирины Ольга Николаевна Зарубина. Семьи женщина так и не завела, осталась работать там, куда ее распределили после пединститута. Летом она время от времени заменяла директора школы Николая Ивановича Орлова, мужчину предпенсионного возраста, который в июне организовывал ремонт школы, в июле ездил в санаторий, а после ремонта в последний летний месяц иногда уезжал с супругой отдыхать на море. Отпуск у Зарубиной получался прерванным, зато мечта возглавить коллектив после ухода директора на заслуженный отдых – вполне реальной.

– Здравствуйте, Ольга, извините, опять забыл ваше отчество. – Честно, говоря, он и не старался его запомнить. – Как поживаете? Помощь нужна?

– Мне? – удивилась учительница. – Нет, спасибо. Да ладно, можно и без отчества. – Потом до нее дошла суть вопроса. – Даже не знаю. Ремонт сейчас идет. К новому учебному году будем готовы.

– Ну тогда молодцы. Если что-то нужно, обращайтесь.

– Спасибо, я передам. Хотя, знаете, я слышала, Николай Иванович говорил, что спортивного снаряжения не хватает.

– Каких?

– Я сейчас позвоню, уточню. – Она достала из кармана темно-красных брюк сотовый телефон и нажала на номер, который был под рукой. – Не отвечает. Наверное, на процедурах. Вы знаете, я уточню вечером. Потом передам через Ирину.

– Хорошо, договорились, – облегченно вздохнул ненавязчивый спонсор. – Я всегда рад помочь родной школе.

– Да-да, мы знаем и благодарны вам. В прошлом году летом вы оплатили ремонт спортзала.

– Можно у вас поинтересоваться? – не выдержал все-таки Олег: любопытство оказалось сильнее его. – Вы знаете секретаря из акимата Лидию?

– Андрееву? Кто ж ее не знает? А что именно вас интересует? – плохо скрывая удивление, поинтересовалась учительница.

Олег не знал, как сказать, что его интересует не сама женщина, а ее дочь. И быстро придумать повод никак не мог. Получилась

заминка. Нужно было как-то выходить из положения.

– Мне нужно кое-что узнать у нее по работе. Конфиденциальный разговор. Скажите, где она живет.

Учительница опять не смогла скрыть удивления, как ни старалась. Темно-красный летний костюм ее с красивым асимметричным вырезом, аккуратно облегающий стройную фигуру, казалось, вспыхнул еще ярче. А в голубых глазах как будто отразилось яркое зарево не то пожара, не то заката. Но ни того, ни другого в селе в это время не было. В ее голосе появились учительские назидательные нотки:

– Зачем вам ее адрес? В акимате и найдете Лиду безо всякого труда.

– Я же сказал – конфиденциальный разговор. Не для чужих ушей. Мне очень нужно.

Глаза учительницы недобро блеснули, брови поднялись на максимально возможную высоту. «И он туда же», – подумала женщина. Немного подождав, она все же объяснила, где живет секретарь. Олег, поблагодарив, быстро удалился.

Он пока не знал, зачем ему понадобится адрес Нади, которую надеялся увидеть вечером на реке. Просто на всякий случай.

Купаться девушка не пришла. Олег долго ждал ее, даже не подошел к воде. В нем полыхало одно желание: немедленно увидеть милую

Золушку. Мужчина сам не понимал, что с ним происходит. Казалось, его с головой накрыл девятый вал. Вернувшись домой с речки, Олег сел в свой черный лексус и помчался к дому Нади. Не увидев ее ни во дворе, ни на огороде, он нажал на газ и рванул в городскую квартиру. Ирина, не дождавшись поздним вечером мужа, не знала, что и подумать. Одно ей было ясно: он явно не в себе. Это тревожило и пугало.

Олейник не помнил, как приехал домой, поставил машину в гараж, вошел в квартиру, лег и задремал. Его растормошил резкий звонок телефона.

– Але, милый! Где ты пропадал так долго? Я скучала без тебя. – затараторила Аллочка, новая подруга Олега. Она каким-то особым чутьем узнавала, когда он возвращался. А может, у нее был осведомитель.

– Пошла вон!!! – взревел Олейник и с размаху швырнул трубку на диван. Он был в ярости, никого не хотел ни видеть, ни слышать. Утром, побыв в рабочем кабинете полчаса, рванул в Михайловку.

ГЛАВА 8

Надя не пошла купаться, потому что приболела. Несмотря на крепкое здоровье, она время от времени испытывала недомогание. Она места не находила: то ляжет на диван, то сядет, то начнет ходить по дому, как будто в поисках пропажи.

– Ничего страшного, – успокаивала Лидия, – у меня тоже так было. Выпей от боли таблеточку. Вот когда родишь – все пройдет.

– Тогда нужно поторопиться, чтобы не мучиться, – неожиданно произнесла дочь.

– Еще чего! Не выдумывай и не говори ерунды. Успеешь еще родить, сначала окончи школу и получи специальность.

Надя легла на диван, закрыла глаза, и тут же мысленно оказалась на солнечной поляне, той самой, на которой год назад была тайной свидетельницей любвеобильной парочки. С девушкой произошло что-то непонятное: та

же лампочка вдруг зажглась в животе, но вместо того мужчины она увидела Олега. А рядом себя. Надя тут же вскочила и подошла к окну.

– Не может быть! – вскрикнула она. Напротив ее дома стоял новый знакомый и пристально смотрел на окна. Лампочка словно взорвалась и обожгла низ живота. Хотелось выскочить, но возле двери ее остановила мама.

– Ты куда?

– Там пришли...к нам.

– К нам? Я сама выйду.

Надя метнулась к окну. Лидия подошла к Олейнику, окинула его быстрым оценивающим взглядом и что-то сказала. Тот, глядя на окна, ответил ей. Лида помотала головой и опять что-то тихо произнесла. Вид у нее был недовольный. Визитер махнул рукой и пошел прочь.

– И не нужно сюда больше приходите! – крикнула вдогонку Лидия.

Вернувшись в спальню дочери, она присела на краешек дивана.

– Я понимаю, что ты уже взрослая. Тебе осенью будет 18 лет. Но послушай моего совета: он тебе не пара. У него нет и не может

быть серьезных намерений. Он бабник. Говорят, в городе у него куча любовниц. К тому же, он женат. Ты будешь для него очередной забавой, причем кратковременной. Не встречайся с ним, пошли его подальше. Он просто привык добиваться чего захочет. Поиграет и бросит тебя, как надоевшую игрушку. А ты будешь страдать. Еще неизвестно, чем это все закончится.

– Ну и что! – крикнула Надя, – он мне очень нравится. Мы с ним позавчера познакомились на речке, на нашем с подружками месте. Знаешь, какая у него потрясающая фигура! Он такой накачанный, такой сильный! Настоящий мужчина, какого я себе и представляла в мечтах. И вот мечты начали осуществляться.

– Какие еще мечты? Я запрещаю тебе с ним встречаться. С такими, как он, только и жди беды! Если Олейник сам от тебя не отстанет, я напишу заявление в полицию, и его привлекут за совращение.

Надя молча отвернулась к стене. Спорить сейчас с матерью было бесполезно.

Разговор Лиды и незваного гостя слышала бабка Чикундиха, которая всегда появлялась в нужное время в нужном месте и была в

курсе всего, что происходило в Михайловке. За это односельчане называли ее «местное радио». Причем имя у нее как будто вовсе отсутствовало, его почти никто или не знал, или не помнил, или оно не могло сравниться по глубине и смачности с прозвищем. А звали ее Анна Евдокимовна. Но и сама бабулька охотно отзывалась на прозвище, образованное от ее фамилии Чикунова. Жила бабушка одна рядом с магазином, в котором когда-то давно работала продавцом. У дома стояла большая лавочка, которая никогда не пустовала. Чаще всего «местное радио» поджидали две подружки, Антонина Петровна и Наталья Ивановна, с которыми осведомительница щедро делилась наблюдениями и выводами. А их делом было лишь удивляться и соглашаться: «Да ты что! Не может быть! Надо же! Конечно, конечно, как же иначе!»

Сколько ей было лет, никто, кроме сотрудников почты, толком не знал, бабушка давно уже была на пенсии. Однако жажды узнавать все про всех у нее хватило бы на целый отдел дознавателей, но не всегда эти добытые разными путями сведения приносили ей пользу. Чикундиху недолюбливали все, кому было что скрывать от односельчан,

но ничего невозможно было утаить от этой старухи.

Жила она одна, семьи у «местного радио» не было. Зная все про всех, сама баба Аня ни одного лишнего слова о себе не рассказывала. Даже подружки ее Ивановна с Петровной не знали о ее прошлой жизни ничего интересного. Может, потому что приехали они сюда сравнительно недавно, лет пять назад. Перебрались из областного центра на природу и свежий воздух. Кто-то из старожилов уверял, что в молодости был у Чикуновой ухажер, от которого та после нескольких месяцев встреч ждала ребенка. Но, узнав об этом, добрый молодец исчез, а девушка решила избавиться от нежелательного малыша. С тех пор стала она бездетной и даже замуж не вышла. То ли никто не позвал, то ли сама она разочаровалась в мужчинах. Однако в достоверность таких зыбких, ничем не подтвержденных слухов можно ли было верить, неизвестно.

В течение дня бабушка обходила Михайловку вдоль и поперек, аж до самого леса, и этот дозор стал смыслом ее жизни. Со всеми встречными приветливо здоровалась и останавливалась переброситься парой слов. «Как дела», «как здоровье», «как на работе», «как

дети», «а вы слышали...». От этих простых вопросов никому не удавалось отвертеться. Она принимало живое участие в беседе, проявляя неподдельный интерес, доверчиво глядя прямо в глаза собеседникам. Выслушав их, баба Аня давала дельные советы, как настоящий психолог. Видя живое участие, люди обычно задерживались то ненадолго, а то и на целый час, и поддерживали нехитрый разговор.

Но наиболее важные и интересные сведения она узнавала не из беседы с односельчанами, а благодаря личным наблюдениям и подслушанным репликам. А уж делать далеко идущие выводы она умела как профессиональный оперативник.

Была Чикунова худой, среднего роста, на лбу сияла огромная родинка. А вот глаза, серовато-голубые, глубокие и ясные не по возрасту, смотрели на окружающих то с детской наивностью, то с осуждением, то с пониманием, то с упреком, в зависимости от того, на кого был направлен ее внимательный взгляд. Седые волосы старушки обычно выбивались из-под сбившегося набок белого платка, завязанного на затылке, и торчали в разные стороны, за что иные недоброжелатели за глаза называли ее ведьмой.

Роль местного радио Чикундихе, очевидно, очень льстила, и она старалась соответствовать почетному званию.

Прибежав от дома Лидии к заветной лавочке и едва отдышавшись, бабушка тут же кинулась делиться увиденным.

– Не поверите, богач Олейник закидывает удочки не то к Лидке, не то к Надьке. Я так поняла, что к дочери. Вот гад, хочет девчонку совратить.

– Не может быть, она еще школьница, только 10 класс окончила, – не поверили подруги.

– Да ему плевать, он увидел лакомый кусок и давай вертеться около их дома. Сама только что видела, – уверяла Чикундиха.

– Лидка не даст дочь в обиду, она же в акимате секретарит. Найдет, поди, на него управу, – предположила Петровна.

– Ладно, видно будет, как дальше события развернутся, – подвела итог разговору Ивановна. – Поживем – увидим. Держи на контроле.

– Это уж само собой, глаз с гада не спущу, – поклялась Чикунова и перекрестилась для полной убедительности.

Свободного времени у бабушки было много: жила одна, даже летом временных

квартирантов не пускала, как иногда делали другие, сдавая комнату приехавшим на выходные горожанам. Скотины не заводила, только десяток кур и уток. Огород, большой, как и у всех, засаживала только наполовину, чтобы хватило овощей на зиму и весну. Вот и присматривала она за порядком и выведывала местные новости, о которых не рассказывали по телевизору. Был конец июня...

ГЛАВА 9

... Подруги Вера и Люба, набрав грибов, нажарив их с картошкой на сливочном масле, решили не ходить на кладбище, а помянуть Надю дома у Любы. Та достала тарелки, чашки для чая, конфеты и выпечку, накрыла стол.

– Ну что... Царство небесное Надюше, – после долгой паузы начала Люба.

– Думаешь, после самоубийства она попадет туда? – подняла печальные глаза Вера.

– А кто сказал, что это было самоубийство? Говорят, что несчастный случай.

– Олейник пустил слух о несчастье, который он, видимо, купил за большие деньги. Это мое мнение.

– Не слух, конечно, купил, а причину смерти Нади подтасовали, матери-то бумагу дали, что утонула в результате несчастного случая.

– Не верю, чувствую, что сама Надя не выдержала, – стояла на своем Вера.

– Кто теперь узнает правду... Кому это надо?

– Давай сходим к тете Лиде и спросим, она же должна знать больше, чем мы. Или хотя бы предчувствовать. Попросим какую-нибудь вещицу на память, если что-то осталось от Надюши, конечно осталось. Посидим, повспоминаем добрым словом, потом, может быть, удастся ее мать разговорить...

... «Местное радио» после услышанного разговора Лиды и Олега ужесточила контроль за бизнесменом. И ее старания не заставили долго ждать результатов. На следующий день после подслушанного разговора она увидела машину Олейника, который направлялся в город.

– Слава тебе, Господи, – перекрестилась бабушка, – хоть бы отстал от девчонки. Уж больно не нравится мне его затея.

Но вскоре бизнесмен вернулся, а ехавшая за ним грузовая машина «Газель» подвезла к школе спортивные принадлежности для уро-

ков физкультуры. Рабочие выгрузили мешки с баскетбольными и волейбольными мячами и несколько матов, затем машина сразу же уехала, а Олег подошел к Ольге Николаевне, которая наблюдала за разгрузкой. Она посмотрела на спонсора с нескрываемым обожанием.

– Вот это да! Я еще и дозвониться до директора не успела, а вы уж тут как тут.

– А как же! Я же обещал. Лишним это не будет. Возьмите документы. А когда дозвонитесь, узнайте, может, какие-нибудь снаряды нужно обновить: брусья, кольца, шпагат или еще что.

– Спасибо вам огромное-преогромное! Заходите к нам, чайку попьем.

– Как-нибудь в другой раз, а сейчас спешу, дела.

Олейник вышел из школы и остановился возле машины, обдумывая дальнейший маршрут. Домой ехать не хотелось, возвращаться в областной центр и возиться с документами, которые секретарь успела-таки занести руководителю во время его короткого пребывания в офисе – тем более. «Пойду к реке, посижу и подумаю, как быть дальше, уж очень златоволосая прелестница запала в го-

лову. Такой молоденькой, с бархатной кожей, с обворожительными бедрами у меня еще не было. Но уж больно молода. Это и плюс, и минус. Надо трезво подумать у воды», – решил он и поехал на то самое место, где купался несколько дней назад и встретил Надю.

Баба Аня засекала машину Олега на берегу Есиля, выше по течению от самодельного пляжа. Она удивилась, что он не стал раздеваться и купаться, а в полном офисном наряде: белой рубашке, черном элегантном костюме и синем галстуке – сидел прямо на траве и долго смотрел на воду. Особенно внимательно Олег разглядывал торчащую из воды большую корягу, похожую на упавший стул.

«Чего это он в одну точку уставился», – удивилась Чикунова, – Коряг что ли никогда не видел. Или это он куда смотрит...», – размышляла она.

Олейник встал и пошел к «Лексусу», нехотя сел, минут через пять завел машину и поехал. «Куда это он? Не пойму, похоже, что домой...Надо же, какой странный! Как будто не в себе. Неужели влюбился в Надюху... Если так, то это хуже всего, он теперь от своего не откажется, пока не добьется», – с горечью подумала старушка и поправила

сбившийся платок. Она специально пошла по той улице, где жил Олейник, и убедилась, что он действительно приехал домой.

На следующий день с самого утра небо задернуло черными шторами туч, потом полил дождь, да такой, как будто природа оплакивала кого-то.

– Господи, вразуми ты его. Чтобы оставил свою затею о Наде. Не к добру это, не к добру, – перекрестилась баба Аня у иконы Творца. Сразу же загредел в барабаны ударник-гром и тучи пронзила острыми иглами яркая молния. Анна Евдокимовна закрыла руками лицо и, обессиленная, повалилась на пол...

... Люба и Вера постучали в высокое окно дома Лидии и подошли к воротам. Это к Наде можно было войти без стука. А теперь они сделать так же не решились.

Минут через пять вышла мать подруги, заметно постаревшая и осунувшаяся. Не спеша прошла через двор к калитке и, выйдя к подругам дочери, недовольно уставилась на них.

– Тетечка Лидочка, – начала Люба. – Вы нас простите, пожалуйста, мы понимаем, что не вовремя. Но мы сегодня ходили в лес за грибами и набрали лисичек.

– Мы Надю поминали, она эти грибочки очень любила, – пришла на помощь сбившейся подруге Вера.

Лида немного оттаяла.

– А почему сегодня? Девять дней уже прошло, а сорок еще нет, только в сентябре будет, – удивилась она.

– Мы же не смогла раньше помянуть, нас же не было тогда в Михайловке, – пояснила Вера. – Можно вас попросить: мы хотим что-нибудь на память о Наде. Может, книгу какую-нибудь или еще что. Только вещей не надо, говорят, это плохая примета. Ой, извините, я не хотела, – растерялась Вера, увидев, как последняя фраза не понравилась Лидии.

– Подождите здесь, сейчас что-нибудь найду, – не особенно охотно пообещала женщина.

Долго стояли подружки у ворот и уже подумали, что не вернется мать Нади, но она все же вышла. В одной руке держала церковную свечку, в другой – школьный дневник.

Девушки поблагодарили и пошли.

– Да, она права, – заговорила первой Люба, держа свечу. – Нужно в Петропавловск съездить, в храм сходить. И свечку поставить, и с батюшкой поговорить. Мне хочется кое в

чем разобраться. Если она сама так сделала, но ее довели до края другие люди, то кто же виноват и можно ли считать такую смерть грехом?

– Обязательно сходим и разберемся, – поддержала подругу Вера...

ГЛАВА 10

... Чикунова в неизменном сером платье и белом платке, в стоптанных черных туфлях, как только высохла грязь после обильного дождя, отправилась по улице, где жил Олейник, проверять свои «владения». Гараж был закрыт, следов от машины не наблюдалось.

– Ага, дома сидит, не уехал в город, ишь ты, какой настырный, ждет, когда Надя выйдет из дома, – вслух размышляла она. – К Лиде на глаза он точно не полезет. Значит, будет Надюху караулить где-нибудь на улице. Ничего, я тебя найду! Я не позволю девочку испортить!

Навстречу Чикуновой вышла из своего дома Ольга Николаевна, в любимом красном костюме, ярком макияже, с красиво уложенными волосами.

– Здравствуй, милая, – ласково произнесла баба Аня. – Куда путь держишь такая нарядная? Неужели на работу? Отдыхать-то когда будешь, то за себя трудишься, то за директора. Июль на дворе – макушка лета, самый отдых.

– Идите, бабуля, – отшила ее учительница, – я тороплюсь, у нас комиссия из районного отдела образования сегодня будет.

– Какая комиссия? – удивилась Чикунова, – Занятий нет, ремонт в самом разгаре, что там проверять? Ни себе покоя не дают, ни людям – проверяльщики хреновы!

Но Ольга Николаевна ничего не сказала, она уже была на приличном расстоянии от разбушевавшейся неизвестно от чего старушки. А та пошла по привычному маршруту, вокруг родного села. «Должен же кто-то следить за порядком. Одному участковому Кайрату Альжанову невозможно за всеми уследить. Да он и не для того поставлен – не для профилактики правонарушений, а для поимки преступников», – размышляла баба Аня.

В это время в доме Лиды Андреевой произошла очередная ссора. Мать собиралась на работу, а Надя лежала на диване и изучала потолок.

– Ты мне это брось! Вставай и берись за дело. У тебя уже ничего не болит. Грядки прополи, дома приберись, чтоб чисто было. Хватит хандрить. Из-за Олейника страдаешь? Нравится он ей, смотрите-ка. Приперся прямо к дому, наглец необузданный! Даже не вздумай с ним встречаться. От таких подальше держись, добра не будет от них.

– От каких таких? – прервала, наконец, молчание дочь.

– От кобелей! – крикнула Лида, понимая, что вновь встречает сопротивление. Но времени на подробное описание такого рода мужчин у нее сейчас не было. Начинался рабочий день.

В акимате был дресс-код: белая блузка, черная юбка чуть ниже колен. Одевшись и подкрасив губы неяркой помадой, Лида скрылась за порогом дома.

«Ну и что, кобель или нет, мне какая разница! – размышляла Надя. – Он мне нравится, я ему, похоже, очень даже нравлюсь, иначе он бы не пришел сюда. Сегодня вечером, пока погода опять не испортилась, пойду купаться. Может, и он придет». Сразу повеселев, Надя вышла из спальни, умылась, посмотрела на себя в зеркало. – Ой, нет, так не пойдет, – воз-

мутилась она. – Под глазами синяки, румянец как ветром сдуло. Надо возвращаться к нормальной жизни. Может, мама и права: зачем он мне. Если я сейчас так переживаю, когда еще ничего нет, то что же дальше будет». Но сердце от этой мысли сжалось в горячий комочек.

– Так, что тут у нас, очень кушать хочется. Нет, кашу не хочу, суп не хочу. Сделаю-ка я омлет с ветчиной, – размышляла вслух Надя. И физическое, и душевное состояние наконец-то пришло в гармонию. «Ну их на фиг – этих мужчин. Мне действительно нужно сначала школу окончить и подумать о профессии. Кем я хочу стать – до сих пор непонятно. Никем не хочу, – подвела она итог, взбивая домашние яйца и перемешивая массу с нарезанными ломтиками ветчины и небольшим количеством молока для сочности.

Когда девушка позавтракала и в приподнятом настроении, напевая «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко» из школьного репертуара, вышла во двор за ведерком для мытья пола и уже сняла его с гвоздя, калитка медленно отворилась, и в проеме неожиданно появился Олег, озаряя мир очаровательной

улыбкой. Ведерко выпало из рук и покати-лось. Надя застыла на месте.

– Не пугайся, Надюша, я очень по тебе со-скучился, – произнес он ласково. – А ты?

Надя молча сделала шаг навстречу, потом побежала и попала в его горячие объятия.

Чикундиха, отдохнув на лавочке возле ма-газина, заглянула к продавщице Марине, ко-торая могла бы посоперничать с ней в роли «местного радио». Частный магазин сначала принадлежал Вере Гавриловой, потом, ког-да Маринка окончила школу, по наследству перешел к ней, единственной дочери Веры. Была она как две капли воды похожа на мать и лицом, и характером. Обесцвеченная пышная шевелюра, большие голубые глаза, бойкая и веселая.

– Доброе утро, Мариночка! – ласково по-приветствовала баба Аня.

– Здравствуйте, что будете брать?

– Как обычно, двести грамм конфет, только недорогих. Я дорогие не люблю, ты знаешь.

– Знаю, бабушка, что вам не так нужны конфеты, как последние известия, – затара-торила Марина. – Нет у меня новостей, я в дождь не работала, у нас тут крыша маленько протекла. Только первый день после ливня

вышла сегодня. А у вас что новенького? Что вам сорока на хвосте принесла?

– И у меня крыша протекла, – сокрушенно пожаловалась старушка, взяла конфеты и удалилась. Она решила вернуться домой и подкрепиться как следует, словно чувствовала, что впереди ждут потрясающие события...

... Подруги с дневником и свечкой вернулись домой, им не терпелось прикоснуться к вещи, которая была так близка Наде. Может быть, школьный дневник приоткроет тайну: что же на самом деле произошло с покинувшей их подругой.

С первых страниц все было, как и положено: расписание уроков, звонков, подпись классного руководителя и Лидии.

– Смотри, вот пятерка по литературе за «Войну и мир». Помнишь, на какой вопрос отвечала Надюха? – спросила Вера.

– Да, Ольга Николаевна спросила нас, осуждаем ли мы Наташу Ростову за то, что она не стала целый год ждать Андрея Болконского. Он же условие поставил – испытательный срок. А Наташа полюбила этого, как его...

– Брата Элен Курагиной, Анатоля. Я подняла руку и сказала, что осуждаю. Анатолий в

подметки не годится Болконскому. Такой же негодяй, как и его кукла-сестричка.

– Да, а я тебя поддержала. Наталья то Андрея любила, жить без него не могла, то вдруг переключилась на Курагина и снова чуть не умерла от безумной любви. Это не очень хорошо ее характеризует. Точнее сказать, очень нехорошо.

– А Надя вскочила и давай Наташу защищать. Каждый имеет право на ошибку и все такое.

– Нет, она сказала по-другому: каждый имеет право на любовь. Наташе было плохо одной и одиноко. Болконский уехал, а Курагин хорошо к ней относился, а главное, был рядом. Не может девушка долго быть одна и вообще не обязана. Осуждать любой может, а понять и посочувствовать – далеко не все.

– Да, так и сказала. А Ольга Николаевна ей одной поставила пятерку и отметила, что у Надя аналитический склад ума и она может подумать о профессии, например, психолога или адвоката.

– А Надя сказала, что еще не думала о будущем, ей пока никем не хочется быть.

– Я не помню, чтобы до или после «Войны и мира» она так отчаянно за героинь заступалась, – подвела черту Вера.

– Посмотрим, что тут еще интересного можно найти. Наверное, Наде приятно, что ее вспоминают дома теплым словом.

– Думаешь, они там видят и слышат нас? – удивилась Люба.

– Не помню, кто сказал, поэт какой-то малоизвестный: «Не думайте, что мертвые не слышат, когда о них потомки говорят». Сейчас найду автора. Ага, вот. Николай Майоров. Погиб во время Великой Отечественной войны. Молодой совсем.

– Жалко, много бы хороших стихов еще написал, если бы выжил, – вздохнула Люба. Сколько людей погибло! А сколько пострадало! Зато Родину отстояли! Хорошо, что дедушка выжил...

... Перекусив нехитрым завтраком, чаем с хлебом, Чикундиха продолжила обход села. Дойдя до рощицы, повернула обратно, как вдруг услышала истошный крик. «Батюшки святы, бьют кого или что», – перекрестилась она, остановившись, и стала зорко всматриваться в ту сторону, откуда исходили звуки. Вскоре увидела среди кустов желтой акации

какую-то возню, после чего показалась женская головка с рыжей копной волос. За ней нарисовался и мужчина.

– Ох, да ведь это Надя с Олейником. Вот заразы! Все-таки добился своего, негодяй. Неужели нельзя было место поприличней выбрать для любовных утех! Это все чертов бабник выделявает кренделя. Думаю, скрывается от любопытных глаз. Нет уж, дорогой, от моих глаз не скроешься, – шептала, как проклятие, расстроенная баба Аня.

Придя домой, она даже не присела на скамейку рядом с подругами, хоть и ноги очень устали. Не до отдыха ей было.

– А Надька-то Лидкина – натуральная наездница, язви ее! – выпалила она с нескрываемым осуждением, даже негодованием задремавшим старушкам, причем безо всякой моральной подготовки.

– Как наездница! Ей кто-то коня подарил что ли? Неужели Олейник?

– А какой масти? А где ты ее видела на коне? – застрекотали бабульки, перебивая друг друга.

– Как же, подарит он, закатайте губы. Тот еще жмот. Он сам не хуже любого жеребца, обкатал кобылку, вон за рощицей любовью

занимались. Ведь не послушалась девчонка мать свою. Надо же какая противная! И не боится же кары Господней. Лида категорически запретила ей встречаться с женатым взрослым мужиком. И ему запретила с Надей встречаться. Девочке же 17 лет всего. Ведь не боится, зараза, что привлекут за совращение!

– Как же, будет он бояться, за деньги все и всех уже давно купил, засранец. Сильный мира сего, миллионер, – вздохнули бабушки.

– Лиде-то скажешь, что видела их?

– Ой не знаю. Прибьет ведь непутевую дочь, если правду скажу. Я сначала с девчонкой поговорю, может, послушается меня.

– Вряд ли. Но поговорить, конечно, можно, – согласилась Антонина Петровна.

– А я бы рассказала. Лучше сейчас, потом вдруг поздно будет, а? Потом, если что случится, будешь ох как себя корить.

– Нет, Ивановна, сначала с Надей.

– Ну как знаешь, тебе видней, потом не пожалей, что упускаешь время, – недовольно проворчала Наталья Ивановна. Чикундиха, утомленная и расстроенная, пошла домой.

ГЛАВА 11

Наутро баба Аня дождалась, когда Лида убежала на работу, и, постучавшись в кухонное окно, сразу же вошла в дом Андреевых.

На пороге столкнулась с Надей. Та сияла как ясное солнышко.

– Матери-то сказала? – начала она без приветствия и предисловий.

– О чем? Здравствуйте, бабушка.

– Эх ты! Спрашивает еще. Это мать не ведает, что ты с Олейником кувыркаешься, а я знаю.

– Откуда? – сразу помрачнела Надя. Глаза заволокли слезы, губы задрожали. Видно было, что проказница испугалась всерьез.

– От верблюда. Ты не слышала, что ли, как меня тут кличут. Я все про всех знаю.

– Как же так... Мы только один раз... Только маме не говорите. Очень вас прошу! – Надя в мольбе сложила ладони и прижала к груди.

– Согласна. Но при одном условии: больше с ним не встречайся.

– Как же... мы только начали... Я люблю его. Вы даже не представляете, как мне с ним хорошо. Ведь это любовь, правда? И он меня любит!

– Наденька, это не любовь, а необузданная страсть. Я знаю, сама от нее пострадала. Понесла ребеночка, а мой друг растворился на просторах... Пришлось избавляться. Очень было больно, и не только физически. Не передать словами такую боль.

– А где же ваш ребенок?

– Где-где... Я же сказала. Не стала рожать, избавилась. Натерпелась всего. Это только женщинам достается, а мужикам плевать с колокольни. Знай это и не попадай в такое положение, как я.

– Спасибо за заботу. Я буду осторожна. Только маме все равно не говорите. Она запретила. А я не смогу без него жить. Без любимого мне жизнь не нужна. Зачем такая жизнь? Страдать и мучиться?

Чикундиха остолбенела от последних слов. Она не знала, что еще тут можно сказать. Было отчетливо видно, что теперь парочку ничем не остановить: ни угрозами, ни запретами, ни жалобами, ни тревожными прогнозами.

«Эх, девочка, ну ты и попала. Жалко мне тебя», – размышляла бабушка, выходя за калитку. Постояв возле дома Лидии, понуро поплелась домой, шатаясь, как от сильного

ветра. Такой усталости она давно не испытывала.

Парочка тщательно скрывала свою грешную связь. Видимо, Надя рассказала любимому о том, что бабушка Чикунова засекала их в первый день встречи. Чаще всего теперь Олег увозил юную любовницу в город. Останавливались они или в квартире Олейника, или в гостинице всего на пару часов, потом «черный воронок», как окрестила «Лексус» баба Аня, подвозил Надю поближе к селу. А дальше полыхающая счастьем девушка добиралась до дома пешком, вприпрыжку. По дороге обнимала березки, срывала полевые цветы и потом ставила свеженькие в воду в своей спальне. Даже успевала сделать много полезного по хозяйству. Первым делом обед приготовит, потом пол подотрет, затем бежит на огород грядки полоть.

Оставшись наедине со своими мыслями, она мечтала о том, как Олег разведется с супругой и женится на ней, любимой девушке. И ничего, что она еще школьница, ей же вот-вот исполнится 18. Если они так счастливы вместе, понятно же, никто не осудит. Он заберет ее отсюда, устроит в городскую школу, потом она получит аттестат и нарожает ему

детей. И счастьем их будет завидовать весь мир.

Лида сразу обратила внимание на сияющую дочь и несколько дней подряд спрашивала:

– А почему ты такая веселая стала в последнее время? Уж не встречаешься ли ты с этим... человеком?

– Нет, мама, не беспокойся. Просто хорошее настроение. И еще наша Мурка окотилась. Посмотри, какая прелесть! Пять комочков рыженьких.

Через неделю оправившаяся после родов кошка бросила детенышей и как сквозь землю провалилась. Надя выходила всех. Подолгу сидела возле рыжих комочков, глядя каждого и согревая своим теплом.

«Какая заботливая будет мать», – с нежностью думала Лида, наблюдая за стараниями дочки...

... Подружки сидели за столом и продолжали внимательно изучать записи в дневнике. «Сбежала с урока физкультуры».

– Помнишь Сергей Павлович, наш физрук, сделал ей замечание, когда мы прыгали через козла?

– Нет, не помню. И что он сказал?

– Активней шевели булками, а то так и до снаряда не добежишь – уснешь.

– Я такого не слышала. Наверное, меня не было тогда в школе. Надя обиделась и ушла?

– Если бы просто ушла! Ты же знаешь, что она не спускала обидчикам, тем более что мальчишки засмеялись. Надя сказала ему: «Чтобы работать в школе и воспитывать других, нужно самому иметь хотя бы понятие о воспитанности». Потом повернулась и гордо пошла к выходу.

– Да, она могла любого поставить на место.

– Что же Олейника не поставила, – задумалась Вера.

– Не знаю. Любовь затмила разум или не верила, что он ее бросил, а когда поняла.... Думаю, он ее поначалу и не обижал. Был ласковым и нежным, белым и пушистым. Скорее всего. К тому же, опытный, искушенный мужчина... А когда наигрался, бросил. А что она могла после этого сделать, убитая горем? Посмотрим, что здесь еще написано.

– Подожди, я хочу понять. Надя сильная... была. Ее как подменили, крылья обрубали. Должен же быть выход. Говорят, он всегда есть. Но не такой, какой нашла подруга. Достойный.

– Осуждаешь? – тихо спросила Люба.

– Какое я имею право осуждать. Не знаю, как сама поступила бы в такой ситуации. Но надеюсь, что ничего подобного со мной не случится.

Люба пролистала исписанный дневник почти до конца, но дальше ничего примечательного не было. Вдруг на чистой странице, потому что закончился учебный год, а место осталось, подруги увидели большой крест и что-то похожее на могильный холмик. Они молча уставились друг на друга.

– Это что такое? – выдавила, наконец, Люба. – Она что, еще во время занятий чувствовала, что умрет? Или это было нарисовано позже, перед смертью, когда уже было принято решение?

– Не знаю... Думаешь, что все-таки она заранее готовилась?

– Заранее как можно готовиться, когда все хорошо было. Может, мучило какое-то предчувствие... Эх, если бы узнать, что же там произошло-то... А знаешь, что бы ни случилось, нельзя идти на такие крайности. Жизнь – это дар Всевышнего, и только ему решать, как и когда закончится наш земной путь. Зря

она поспешила предаться черным мыслям. Уже через неделю, думаю, сожалела бы о них.

– Не знаю, через неделю или позже. Но я согласна: то, что она сделала, граничит с помутнением рассудка. Даже не знаю, имеем ли мы право сейчас вспоминать ее, оправдывать или осуждать. А вдруг даже свечку нельзя зажечь? Нужно поторопиться в храм, поговорить со священником. Эх, подружка, что же ты натворила! Жизнь – это такой бесценный подарок, который нужно любить и беречь! Как многого ты не успела, не увидела и не сделала...

... Прошел месяц жарких встреч. Олег перестал приезжать в село, сославшись на сильную занятость. Надя загрустила, помрачнела, заметалась. Страдания нарастали с каждым днем, погружаясь все глубже в болото тяжелых мыслей и предчувствий. Кроме того, состояние ухудшилось: появилось головокружение и легкое подташнивание.

Как-то раз, проводив мать до двери, Надя села на диван и задумалась. На душе было мерзко. Она встала и побрела к реке. На то место, где впервые встретила своего любимого. Села на траву и засмотрелась на воду. «Течет себе, свободная и чистая. Никому ни-

чего не объясняет, ни перед кем не оправдывается», – стала она размышлять. Затем посмотрела на безоблачное небо, синее-синее, смелое-смелое, как его глаза. Опять задумалась: грустные мысли не хотели отпускать расстроенную девушку. «Почему он не звонит и даже не отвечает на мои попытки связаться с ним? Он знает, как сильно я люблю его. Он помнит, как нам было классно. Или забыл? Нет-нет, разве можно такое забыть! Только бы ответил! Только бы вернулся! Я для него на все готова и буду любить всю жизнь». Надя в мольбе сложила руки на груди и закрыла глаза. А когда опять посмотрела вверх, вздрогнула от неожиданности и дурного предчувствия. Откуда-то среди ясного неба взялась большая туча, подплыла к солнцу и закрыла его. Наде стало холодно и страшно, она встала и поспешила домой.

Целый день она не находила себе места, металась по дому как испуганная птица. То подходила к окну и долго смотрела на угол палисадника, где тогда стоял Олег и жаждал увидеть свою Златовласку. То выбегала во двор и ждала: вдруг откроется калитка и любимый примет ее в жаркие объятия. То брала ведро для мытья пола, бессмысленно смо-

трела на него и вешала обратно на гвоздик. На душе ее было очень тревожно: тяжелый, острый камень лежал там и наносил невыносимую боль. Ей бы поплакать, но накопившиеся слезы не хотели выходить, а закипали в кровоточащих душевных ранах. «Неужели любовь может быть такой жестокой? – подумала Надя. – Неужели все так мучаются? Не может быть! Это чувство – самое прекрасное на свете. Да, видно, не каждому дано испытать счастливую любовь. Наверное, я ее не заслужила. Но еще есть надежда: дозвонюсь, и все будет хорошо».

Вечером Лида пришла с работы и увидела, что дочь сидит на диване чернее тучи.

– Что опять случилось? Живот болит? Выпей таблетку, не мучайся. Боль не советуют терпеть. Это вредно для здоровья.

– Ничего не болит. Просто нет настроения.

– У тебя все время какие-то крайности в настроении. Как-то нужно справляться с собой. Учись, в жизни пригодится. Ты что приготовила на ужин?

– Ничего.

– Да что такое! Опять двадцать пять. Не могу понять: издеваешься что ли надо мной? Ладно, отварь картошки, я зелени и огурчи-

ков с огорода принесу и открою банку рыбных консервов.

Надя, словно робот, включила газ, поставила кастрюльку с водой, набрала мелкой картошки и прямо в мундирах положила в воду. Села и уставилась в окно. Она догадывалась, что именно с ней творится. То, чего она боялась больше всего. То, от чего предостерегала баба Аня. Но проверить еще не успела. Завтра ходит в аптеку и купит тест на беременность. Нет! Как же она купит, фармацевт сразу же поймет, в чем дело, и растрезвонит по всей Михайловке. И подруг нет, попросить некого.

И мама узнает, и все узнают. И Олег почему-то уже три дня не пишет и не звонит. А на ее многочисленные звонки ни разу не ответил.

Вернулась с огорода Лидия с луком и огурцами. Накрыла на стол. Принесла баночку скумбрии, открыла и перевернула на тарелку.

– Хватит одной, как думаешь? – спросила она. Но, увидев, что дочь закрыла рот руками и рванула за порог, Лида пошла за ней, пытаясь отогнать самые черные мысли. Она не ошиблась. Дочь упала на колени, и у нее началась рвота.

Мать, обессиленная, села рядом и схватилась за голову. Не было слов. Не было мыслей. Не было чувств. Она как будто потеряла сознание, застыла, умерла. Такого позора она не переживет. Узнают в акимате – уволят. Выгонят к чертовой матери. Все начнут пальцем показывать на нее. Что теперь будет? Что теперь делать?

ГЛАВА 12

Ирина Олейник, несмотря на уступчивый и спокойный нрав, в последнее время испытывала к мужу крайнее раздражение. Было похоже, что отмерянное ей терпение подошло к концу. Когда-то в молодости точно так же она разорвала нить покорности и потребовала от него, чтобы купил для них другой дом в Михайловке. Тот не купил, но нанял строителей, которые за лето сумели возвести большой и красивый особняк. И еще в жизни женщины были случаи, когда переполненная чаша переворачивалась и выливалась, но не сама по себе, а с ее уверенной подачи.

Вот и теперь пришло время что-то делать, решительно и бесповоротно. Мало то, что Олег постоянно с первых лет брака изменял

супруге, так он еще и перестал домой приезжать. Уже месяц она его не видела, как и его денег. В начале лета супруги условились, что в июле съездят на море или еще куда-нибудь и прекрасно отдохнут. Но именно в этом месяце он пропал из Михайловки. Самое плохое и обидное то, что на ее настойчивые звонки не ответил ни разу. А люди говорили, что его машину много раз видели на дороге, ведущей в областной центр. То в сторону села ехал, то обратно, но домой не заходил.

Ира не выдержала и решила поговорить с «местным радио». Однажды рано утром взяла гостинцев и пришла к бабе Ане Чикуновой. Что-то ей подсказывало, что та знает ответы на ее многочисленные вопросы.

У бабушки было открыто, и Ирина, постучавшись в дверь, решительно вошла в прихожую. В доме пахло сыростью, травами и какой-то затхлостью. Было не прибрано и неуютно. Баба Аня в это время вышла на огород и не видела неожиданную гостью. Ирина села на лавку возле печки и стала ждать хозяйку.

Чикунова открыла дверь и замерла на пороге, раскрыв рот. Вот уж кого она совсем не ожидала увидеть здесь. Ирина заговорила первая.

– Здравствуйте, бабушка. Я вам гостинцев принесла, сама пекла пирог с мясом и блины. Угощайтесь.

Та, как будто сама пришла туда, где ее не ждали, нерешительно сделала шаг. Ирина вскочила и подвела хозяйку к столу.

– Садитесь. Вы еще не завтракали? Давайте чаю выпьем с моим угощением. Очень вкусно, правда. Где у вас чайник?

Она по-хозяйски накрыла на стол, предварительно перебив подогретой в чайнике водой всю посуду, которая стояла и возле мойки, и на тумбочке, и на краю стола. Она помыла даже ту, которая была в навесном шкафу возле газплиты.

Чикундиха время от времени махала руками и говорила:

– Это не надо, чистое же. А это я сама отмою, уже старая грязь, а это чистить нужно, вообще не отмывается.

– Ничего, бабушка, у меня все отмоется. Вот у вас же есть сода питьевая, самое лучшее средство. Я, когда была студенткой и жила в общежитии, только ею и пользовалась, копейки стоит. Сейчас попьем чайку, я вам тут приберусь как следует: окна помою, пол, все-все перемою, ишь как запущено, па-

утина кругом. Никто ведь вам не помогает, а я помогу.

– Нет, не нужно, что ты, что ты! – отмахивалась старушка. Но это было бесполезно, Ирина ее как будто не слышала.

Пришлось смириться и только наблюдать, как проворные и умелые руки женщины наводят идеальный порядок в давно запущенном доме. Когда гостя закончила работу и села рядом с хозяйкой, баба Аня как будто пришла в себя:

– А я ведь знаю, милая, зачем ты пришла ко мне такую рань. Про мужа хочешь узнать?

Теперь она стала опять прежней Чикундихой, с острыми и внимательными глазками, которые, как рентген, любого видят насквозь.

– Очень хорошо, бабушка, что знаете. Что скажете?

– Я бы сказала, уж больно благодарна тебе за все, что сделала сегодня. Но это не моя тайна. Не могу.

– Давайте так договоримся: вы рассказываете все, что знаете про моего мужа. Только про него, и никаких других имен и фамилий мне не нужно. И никаких подробностей. Только самое важное.

– Хорошо, – ответила Анна не очень охотно. – Прости меня, я тоже здесь виновата, не сделала вовремя одно важное дело, а должна была рассказать одному человеку про ее дочь.

– Ни в чем вы не виноваты, не выдумывайте и не наговаривайте на себя. Я тоже виновата, если так рассуждать, как вы, могла бы съездить в город на его квартиру, на работу сходить, в общем, встретиться с ним. А я как замороженная, сидела и ждала, когда наконец муженек появится. А пойду по улице – люди с усмешкой смотрят на меня. Приду в магазин – Маринка с ухмылочкой обслуживает. Все – хватит. Слушаю вас про мужа. Рассказывайте.

Чикунова, не называя имени Нади Андреевой, выложила все, что знала об Олеге. Что целый месяц встречался с несовершеннолетней школьницей, что ее мать просила его не соблазнять малолетку. Про беседу самой бабы Ани с этой девушкой. И про ежедневные жаркие встречи Олега с ней то в селе, то в городе.

Ирина спокойно слушала, глядя в стол и поглаживая рукой клеенку. Потом молча встала и вышла за дверь.

Через пару минут в прихожую вошли подружки Анны.

– Что это было, Нюра? Сейчас только встретили Ирку Олейник, она вышла от тебя. Идет и плачет. Плачет и бежит. И трясется вся. Даже жалко стало.

– Это хорошо, что плачет: со слезами вся боль выйдет и полегчает. Натерпелась она от подлеца. Уйдет она от Олега, вот помяните мое слово – уйдет.

– Так ты что – рассказала про Надю?!

– Да, Ирина должна была это знать, чтобы принять правильное решение. Имя Андреевой не назвала, не страдайте.

ГЛАВА 13

– Пошли в дом, там поговорим, – строго сказала Лида дочери, поднимая ее с колен. – Чтобы соседи не слышали про наш позор. И про нашу беду.

Они вошли. Лида придерживала дочь, как тяжелобольную, да она такой и выглядела. Взрывная смесь душевного и физического недуга изменила внешность Нади до неузнаваемости. Еще вчера, казалось, был один человек, а сегодня – совсем другой.

– Ну и что думаешь делать? – перво-наперво спросила Лида, сев на диван и усадив туда же провинившуюся дочь. В ней все клокотало, но женщина пыталась сдержаться и не наговорить лишнего. Хотя это было непросто.

– Не знаю, – еле слышно пролепетала Надя.

– Ты ему звонила?

– Много раз. Не отвечает.

– А смс отправила?

Надя открыла WhatsApp и показала матери многочисленные сообщения, которые Олег так и не посмотрел.

– Так, с этим козлом все понятно: наелся капусты вдоволь, безотказно, безнаказанно и пошел в другой огород.

Надя взглянула на мать, и жгучие слезы полились по щекам. Лида продолжала молча смотреть в пустоту. Потом, опомнившись, выдавила из себя:

– А что, про контрацепцию этот кобель не знал? Через месяц в школу, ты что думаешь делать, рожать в апреле? Или что ты вообще способна думать, когда можно просто ноги раздвигать! Это же нетрудно совсем! Звони ему прямо сейчас, пусть решает проблему.

Дочь послушно набрала до боли знакомый номер, но Олейник так и не ответил Наде с ее

смартфона. Несчастливая, заплаканная, она дозвонилась, наконец, Олегу с телефона матери.

– Приезжай, я должна тебе кое-что сказать. Очень и очень важное.

– Я занят, срочные переговоры, приеду через два дня. Столько можешь подождать?

– Да, могу, наверное. Но потом обязательно приезжай ко мне. Это очень серьезно.

Не дослушав, тот прервал связь.

– Не придет он к тебе, даже не надейся. Он получил что хотел, а теперь уже наверняка с другой душой кувыркается. Кобель он и есть кобель.

– Мама, зачем ты так. Мы любим друг друга.

– Я тебя умоляю: только не нужно сейчас про любовь говорить.

– Но я же чувствовала, что он меня очень любит. А как я его люблю, ты даже представить не можешь. Жить без него не могу.

– Я сказала, – Лида теряла терпение, – не говори мне про его любовь. Он понятия не имеет, что это такое.

– А Ольга Николаевна говорила, что каждый человек может любить, но по-своему...

– Конечно, – подхватила мать, – у козла и любовь козлиная. А у лебедя лебединая.

– Не смей называть его козлом: он ласковый, нежный, умный, сильный.

Надя вскочила и с ненавистью рванулась к разъяренной матери, готовая грудью защитить честь любимого. Но запнулась о ее удивленно-растерянный взгляд.

– Что? Ты хотела меня ударить, что ли? Ты кого защищаешь? Где он, твой неподражаемый? Он тебе хоть что-нибудь обещал, хоть один букет цветов подарил, колечко или еще что-то? Наслаждался бесплатной дурой, безмозглой девчонкой. Сорвал цветок, понюхал и выбросил на помойку.

– Замолчи, немедленно замолчи! – взорвалась дочь, сотрясаясь от обрушившихся лавиной рыданий.

– Ах ты дрянь такая! Нашкодила и теперь еще на мать покрикиваешь! Ты мне еще приказывать будешь! Да пропади ты пропадом, упрямая, как твой непутевый папаша!

Лида не могла больше сдерживаться: дочь обнаглела, кричит на нее, ничего не хочет слышать. Ну ладно, случилось неприятное, да что там – отвратительное. Но теперь, когда ясно даже идиоту, что любовник ее бросил, она его же защищает, а на мать орет. Это уж совсем через край. Мать ушла в спальню и

легла. Ужин остался нетронутым. Надя поплелась к себе.

Она долго смотрела в потолок, потом начала вспоминать их любовные встречи. Было им не просто хорошо – лучше, наверное, ничего в жизни не бывает. Он называл ее «моя девочка», «моя Золушка», «Златовласка», «Афродита».

Стоп. Но Олег ни разу не произнес «люблю», «любимая». Он ничего никогда не обещал. И, да, ничего не дарил, чтобы хотя бы просто порадовать свою малышку.

– Неужели мама права?! – в ужасе прошептала Надя. Она будто только что прозрела. – Если он меня никогда и не любил, то зачем все это было. Просто использовал, об этом еще та странная бабушка предупреждала. И мама говорила. Я никого не послушала, никому не поверила, а думала, что он меня тоже любит. А Олег предал меня и мою любовь! Так я действительно «дрянь такая»! Мама права. Что же теперь делать?

Слезы вновь полились от обиды на Олега, на маму, на весь мир. Горячие, они обжигали щеки. Надя закрыла глаза. Жгучие ручейки продолжали литься, но это не были слезы очищения. Легче не становилось.

Если бы Лида встала с постели, подошла к дочери, приласкала ее, успокоила! Нет. Она лежала-лежала и незаметно для себя уснула.

А Надежде не спалось. Она думала-думала п пришла к мысли, что ей теперь некуда идти, негде ждать помощи, жизнь испорчена, сломана, закончена, любимый предал. Да еще и мать ненавидит. Нельзя рожать, еще школу не окончила, и избавляться от ребенка страшно. Позор на все село. Она не нужна любимому, в этом теперь нет сомнений. Да и вообще никому не нужна. А зачем такая жизнь!

Надя быстро поднялась и посмотрела на часы. Циферблат освещали четыре ноля.

– Ну вот и все. Есть куда идти. Я знаю, куда пойду.

Она оделась, натянула босоножки, осмотрела прихожую, вернулась в свою комнату и оглядела там каждый предмет. Вошла в спальню Лиды, посмотрела на спящую мать. Потом резко развернулась и решительно ушла в темноту.

В это время Олег, натешившись с новой молоденькой пассией, вышел на балкон. Он подумал о рыжей девчонке и слегка загрустил. Опытный знаток любовных утех заметил, что с Надей произошли изменения. Горячая,

любвеобильная девочка не сразу откликнулась на его ласки и не так остро реагировала, как раньше. Мужчина догадался, что месяц тайных встреч не прошел бесследно. Скорее всего, девчонка забеременела. Именно это она рвалась ему сказать в Михайловке и потом, настойчиво звоня и отправляя сообщения.

Если так, что он может сделать? Чем помочь? Ничем. В лучшем случае, дать денег на частного врача и необходимую процедуру. И то, если попросит. Интерес к девчонке пропал, остался лишь горьковатый привкус разочарования. Такой же, как после дружеских или корпоративных застолий. Печень, наверное, пошаливает. Надо бы меньше пить.

Отец учил его брать от жизни все, что нужно. Он и брал. Много денег, много женщин – что еще нужно умному, успешному, предприимчивому мужчине? Отец говорил также, что жена нужна лишь для семьи, детей. А для любви – несметное количество других красоток. Этот совет сын тоже хорошо усвоил. Хмурого и жесткого родителя уже нет в живых, но советы его врезались в сознание отпрыска, как острый нож в масло.

Посмотрев на звездное небо еще раз, Олег хотел было уйти, но вдруг его ослепила кака-

я-то странная вспышка: яркий свет, который лился из бездонной тьмы. Вспышка продолжалась несколько секунд, потом все стало как раньше. Олейник пожал плечами и вернулся в спальню.

ГЛАВА 14

На утренней зорьке двое михайловских мужчин с удочками и почему-то одним ведром, весело болтая о том о сем, приближались к реке, чуть выше по течению того места, которое свело Надю с Олегом. Одного ведра им было вполне достаточно: рыбаки вовсе не планировали долго предаваться любимому занятию. Главное, чтобы хватило на уху. А лучшей закуски и не придумаешь. Пиво уже стояло у одного из них в холодильнике.

Вдруг они остановились в нерешительности, глядя на корягу, похожую на упавший стул.

– Глянь-ка, кто это на коряге зацепился и сидит?

– Да вижу я. Это не сидит кто-то, а лежит на ней. Подойдем поближе.

Они разулись, закатали тренировочные штаны и пошлепали к сухому дереву. По-

дошли на несколько метров от берега и замерли ошеломленные.

– Мать честная! Девчонка лежит. Одета и обутая.

– Она не просто так лежит, это утопленница.

– Вижу, но смотри, как живая. Звони Кайрату. Вот, блин, и посидели в выходной...

Лида, одетая, еще спала, хотя сны были один кошмарнее другого. Ее разбудил сильный, настойчивый стук в окно.

– Кого это принесло ни свет ни заря? – Ворча, она подошла поближе. В палисаднике стоял участковый и манил ее рукой. Лида открыла, зевая, дверь, обратив внимание, что та почему-то была не заперта.

– Заходите, что случилось?

– Где твоя дочь? – задал он странный для женщины вопрос.

– Как где? Дома. Спит.

– Показывай.

Они пошли в спальню, но Лида как будто споткнулась в дверях, Кайрат едва успел поддержать ее. Диван Нади был аккуратно застелен покрывалом. Мать оцепенела от ужасного предчувствия...

... Подружки продолжали просматривать записи в дневнике Нади Андреевой. Несколько стандартных цитат про любовь: «кто не любил, тот не жил» и другие в том же духе. Но была одна странная запись на ту же тему, не менее неожиданная, чем крест на весь лист. Надя аккуратно вывела на последней странице: «Если любить, то до смерти. Если умереть, то за любовь».

– Как думаешь: это ее слова или списала откуда-нибудь? – спросила Вера.

– Какая разница! Меня другое не перестает волновать: почему она это сделала? Ведь это очень трудный шаг... в бездну. Это же до чего нужно было разочароваться во всем и во всех, до помутнения рассудка! Я уже не говорю о грехе страшном...

– Согласна с тобой. Но если это самоубийство, то как раз мне понятно, почему Надя так поступила. Любимый предал, и она не пережила предательства. А еще, наверное, тетя Лида подлила масла в огонь. С ее-то характером.

– Да с любым характером нужно любить жизнь. Она и так короткая. Сколько бы еще светлого и прекрасного было в Надиной жизни! Семья, работа, дети, земные радости.

Наша подруга умела радоваться. А почему ты говоришь «если», не купаться же она пошла ночью одетая и обутая.

– Кто тебе сказал? Как раз раздетая и разутая, в одном нижнем белье она лежала на берегу, когда приехала полиция.

– Как ты не понимаешь? – Люба уставилась на доверчивую подругу. – Значит, перед приездом полиции из райцентра ее раздели. Там же было достаточно времени. Вот и все. А узнала я из достоверного источника. Точнее, не я узнала, а мама. Как известно, шила в мешке не утаишь. Источник очень просил не называть его имя даже под пытками. Тем более, что за смертью Нади сразу же последовала вторая смерть. Люди и теперь лишнее слово боятся сказать, хотя уже три недели прошло с тех пор.

Вера закрыла лицо руками.

– Так голова разболелась, ничего уже не соображаю. Срочно нужна релаксация. Ты как разгружаешь психику?

– Я никак, только гуляю и думаю о чем-нибудь хорошем. Мама по вечерам включает музыку.

– Какую?

– Разную, по настроению: Моцарта, Шопена. А еще она очень любит Высоцкого.

– Вроде бы, слышала эту фамилию. Напомни, какую музыку он писал?

– Он российский бард, писал песни и сам исполнял. Открой интернет, там подробная информация. Кстати, он еще был популярным актером театра и кино. Видела «Место встречи изменить нельзя»?

– Конечно.

– Он играет там главную роль. Жеглова.

– А, вот я где видела его фамилию. В титрах. Ну давай Высоцкого. Что послушаем?

– Мамину любимую: «Я поля влюбленным постелю». Мне эта песня тоже нравится...

...В тот же день, когда участковый разбудил Лиду, к ее дому подъехал черный внедорожник. Женщина безучастно сидела на кухне в черном платье и платке. На обеденном столе так и остался вчерашний нетронутый ужин.

– Здравствуйте, Лидия Петровна, – бодро произнес мужчина средних лет, совершенно седой. Лида не повернула головы.

– Ах, да. Примите мои искренние соболезнования.

– Кто вы? – прохрипела женщина. – Мне не нужны ваши утешения. Это я виновата. Это

моя вина. Я недосмотрела, а еще ругалась и кричала на бедную девочку. Что я наделала!

– Ну, бросьте наговаривать на себя. Так можно и в места лишения свободы попасть за доведение до самоубийства. Но ведь его не было. Тело вашей дочери осмотрел профессионал и дал заключение о несчастном случае. Девушка пошла искупнуться, может, ей не спалось. Но зацепилась за корягу и захлебнулась. Ее там и нашли рыбаки.

– Да она ждала ребенка от этого... гада, – обрела голос мать.

– А вот и неправда. Нет у нее никакой беременности. Об этом тоже написано в заключении. И кто вам сказал, что она встречалась с гражданином ... каким-то?

– Она сама и сказала. Что он уехал и отключил телефон. Она очень страдала, плакала.

– Давайте так. Чтобы расставить все точки, сначала я вам советую выпить лекарство и успокоиться. Есть у вас хорошее средство?

– Только валерьянка.

– Да это ерунда для котов. У меня с собой есть импортное, я для себя ношу, врач прописал. Выпейте и поговорим как адекватные люди.

Лида не стала возражать, потому что видела, что этого человека лучше послушать и не сопротивляться. Такой силой и уверенностью несло от него.

– И это правильно. Слушайте меня внимательно. Когда к вам приедет следователь, вы должны четко и уверенно говорить следующее: «С дочерью было все нормально. Я целыми днями на работе и ничего не замечала. А она мне ничего не говорила. Точнее, говорила, что у нее все хорошо. Она мечтала окончить выпускной класс и поступить». Кем она хотела стать, в какой вуз готовилась? Или колледж?

– Не знаю, она мне ничего об этом не говорила.

– Вот и молодец! Так и отвечайте всем подряд. На любой их вопрос.

– Кто молодец? Надя? – удивилась мать.

– Я не знаю Нади, я вас хвалю. Давайте еще потренируемся. Что вы знаете о личной жизни дочери? Смелее! Что нужно ответить?

– Она мне ничего не говорила.

– Вот и замечательно. Иначе можно и свободы лишиться, это в лучшем случае. А то и жизни. – Мужчина жестко и продолжительно

посмотрел прямо в глаза Лидии. Наверное, так смотрят гипнотизеры.

– До свидания, всего хорошего. Телефон дочери дайте сюда как вещдок. А это вам материальная помощь на ... срочные нужды. Тут немного, но можно в областном центре квартиру снять на некоторое время. Однокомнатную. Вам, наверное, будет тяжело здесь оставаться, все напоминает о дочери.

Лида хотела отказаться, но мужчина жестко процедил совсем другим голосом:

– Не советую. А вот конверт положите в надежное место. И никому ни слова. Понятно? Да, чуть не забыл, похороны у вас завтра, я договорился, там все без вас организуют, отдыхайте. Но если сболтнете лишнее... Короче, не советую.

Незнакомец ушел, а Лида почувствовала смертельную усталость и огромное желание уснуть. Взяв конверт, она пошла в спальню, положила деньги под матрас и легла.

ГЛАВА 15

Ирина Олейник после визита к бабе Ане начала подготовку к продаже дома. По документам он принадлежал ей, поэтому мужу

она ничего не сказала и вообще не хотела его видеть. За 20 лет семейной жизни столько натерпеться от супруга, наверное, дано не каждому. Он не пил без меры, не поднимал руки на нее, регулярно привозил деньги, хотя все меньше в последнее время. Но это, пожалуй, и все его супружеские достоинства.

Поначалу ей доставалось от свекра, который контролировал каждый шаг и придирался ко всему. Мужа дома почти не было. Он раскручивал бизнес и не касался домашних дел. Работать жене запретил, чтобы занималась домом и воспитанием сына. Вообще все, о чем он говорил ей, звучало, как приказ.

Никогда не спрашивал Олег, как у нее дела, здоровье, настроение. Чего она хочет, о чем мечтает. Он был чужим, по сути, а про измены его и говорить нечего. Для него если и было что-то святое, то это не семья, а бизнес и бесконечные любовные утехы. Сначала односельчане сообщали ей, что видели в городе Олега то там, то здесь с разными женщинами. Потом она пресекла разговоры на эту тему. Понимала, что бессильна изменить ситуацию и образ жизни супруга в целом.

Сын тоже не интересовался жизнью матери. Прописавшись по месту жительства и

учебы в Москве, про родителей словно забыл, довольствуясь регулярными денежными перечислениями от отца.

Ирина связалась с риэлторской конторой и ждала приезда специалиста. Дом, хоть и добротный, большой, современный, с водоснабжением и санузлом, но расположен в селе. Много за него не возьмешь, но достаточно на первое время. А уехать она решила к родной сестре Наталье в Курганскую область. Та жила одна в доставшемся от бывшего супруга просторном доме и даже обрадовалась желанию Ирины переехать к ней. По специальности она фельдшер, уважаемый в селе человек. Детей бывшие супруги не завели, так что места в доме вполне хватало.

Пока не приехал риэлтор, Ирина решила поговорить с бывшей одногруппницей.

– Привет, Ольга Николаевна.

– О, Иришка! Неожиданно, но приятно. А почему по отчеству? Мы же подруги.

– Оля, у вас в школе раньше работали тимуровские отряды. А сейчас они есть? Ты, как заместитель директора по воспитательной работе, должна точно знать.

– А что случилось, дорогая? Тебе помощь нужна?

– Мне вряд ли потребуется. Я хочу позаботиться о бабушке Анне Чикуновой. Живет одна, ничего не успевает, все запущено.

– А пусть меньше бегаёт да сплетни по селу собирает. А вообще летом ребята не работают, у них каникулы. Детям нужно набираться сил для нового учебного года. Мы не имеем права лишать их законного отдыха. Но мы и летом иногда помогаем в экстренных случаях.

– Да подожди ты. Я и говорю про новый учебный год. Включите её в список нуждающихся в помощи.

– Она у нас и так в списке есть. Да вот застать её дома практически невозможно. Ребята пытались, но не смогли. А одиноких стариков и так хватает. Хорошо, начнется учебный год, решу проблему. Сама схожу и договорюсь.

– Спасибо, дорогая. Когда отдыхать будешь?

– Я была в отпуске три недели, остальное в августе догуляю. Если получится, – добавила она со вздохом.

– Хорошего отдыха, удачного ремонта школы.

«Странная просьба, – подумала Ольга. – Никогда ее не волновала ни эта бабушка, ни другие, ни тимуровская работа наша. Что-то здесь не то. А не связано ли это «не то» с ее гулящим муженьком? Не бабушка ли Чикунова рассказывает ей о его похождениях? Хотя откуда ей знать. Если он гуляет, то не здесь же, у всех на виду. Странно все это...».

Лида не помнила, сколько ей удалось поспать после принятого транквилизатора, но ее опять разбудил сильный стук в дверь.

– Да что такое, не дают опомниться, только уснула, голова тяжелая, как будто квадратная, – ворчала она, направляясь к входной двери.

– На пороге стоял участковый Альжанов, а за ним – незнакомый высокий мужчина в гражданской одежде. Глядя на них с непониманием и удивлением, женщина вдруг вспомнила, что недавно к ней уже приходил «доброжелатель», оставил конверт с деньгами и попросил односложно отвечать на любые вопросы.

– Минуточку, я только воды попью, в горле пересохло, – пролепетала она.

– Хорошо, пейте и с собой захватите, – взяла инициативу незнакомец. – Садитесь к столу и отвечайте на мои вопросы. Он достал из

черной папки бумагу, ручку и расположился на свободном конце стола, отодвинув чуть в сторону хлебницу.

– Меня зовут Какимов Олжас Сабитович. Я приехал к вам из районного отделения полиции. Скажите ваше имя, полную дату рождения, имя вашей дочери и ее дату ... только дату рождения.

– Андреева Лидия Петровна. Родилась 12 сентября 1980 года. Дочь Андреева Надежда Петровна. Родилась 16 октября 2000 года. А умерла в 17 лет, в текущем 2018 годууу. – Женщина затряслась всем телом и завывала, как когда-то в войну выли солдатки, получившие похоронки.

– Выпейте воды и продолжим. – Он выдержал паузу.

– Вспомните вечер 30 июля: что вы обе делали и о чем говорили?

– Я ничего не знаю, она мне ни о чем не говорила, – произнесла Лида с каменным лицом.

– Нет, вспомнить нужно. Может быть, ваша дочь на что-нибудь жаловалась или на кого-нибудь. Были ли у нее недоброжелатели?

– Я не знаю, она мне ничего не говорила.

– Может быть, вы поссорились или даже поругались.

– Не знаю, она мне ничего не говорила.

Мужчины переглянулись, участковый за спиной Лиды покрутил в воздухе пальцем возле своего виска.

– И все же. Нам нужно разобраться: был это несчастный случай или суицид. А может, убийство.

– Нет, она не могла сама! Ничего не сказала мне! Не могла сама! – закричала женщина в исступлении и начала стучать кулаками по столу.

– Пойдемте, Олжас Сабитович. Бесполезно сейчас, сами видите. Пойдемте ко мне, там напишете протокол, она позже подпишет.

Лида упала на стол и продолжала долбить кулаками о крышку, как будто хотела достучаться до справедливости в расследовании смерти дочери.

На следующий день Надю похоронили. Лида как в тумане стояла у гроба, без слез, причитаний и вообще без эмоций. Она ничего не знала о том, кто занимался подготовкой, омывал и одевал дочь, варил поминальный обед. Все было сделано хорошо, по существующим правилам, но без ее участия.

Могила Нади оказалась с краю у дороги, рядом с лесом. Усопшую не отпевали. Как только гроб опустили в глубокую яму, мать подошла к самому краю и, рыдая, упала на колени. С обеих сторон к ней кинулись односельчане: боялись, что кинется Лидия вслед за дочерью.

Когда все пошли с кладбища в школьную столовую, Лиде стало плохо. Она упала, раскинув руки, словно подстреленная птица. Приехала вызванная кем-то «Скорая» и увезла несчастную в больницу. Гипертонический криз. Поминальный обед прошел без нее.

Проводив гостей из школы, Ольга Николаевна присела на скамейку в вестибюле и задумалась: «Мы раньше никогда не проводили мероприятий против суицида. Как оказалось, зря. Жизнь заставляет планировать беседы на эту тему. И не только с психологом, но и священника привлечем».

ГЛАВА 16

Чикундиха с горя запила. Такого за ней раньше никогда не замечали. Активная, деловая, внимательная, рассудительная, решительная бабушка как будто сломалась. Она

своим подругам повторяла вновь и вновь одно и то же, как кукушка в лесу поет одну и ту же песню:

– Я виновата, я одна, больше никто. Вы мне говорили, предупреждали. Если бы я сказала Лиде, что дочь ее встречается с этим прохвостом, ничего бы не случилось. Я виновата.

Какой подлец, какой подлец, такую любовь предал, растоптал, наследил, нагадил и сбежал! А я – дура последняя, повелась на ее просьбу ничего не говорить матери. Я виновата – и все тут!

Как ни пытались Наталья Ивановна с Антониной Петровной убедить ее в обратном – это было бесполезно. Она их не слышала. В конце концов подруги оставили ее одну на скамейке.

На следующий день после похорон баба Аня, прихватив заветную бутылочку с самогомом, пошла на кладбище помянуть Надю. Присела возле берез, достала кусок хлеба и стала заливать зельем свое горе. Вспоминала все, что связывало ее с этой несчастной девочкой, вновь и вновь винила себя. Да там и уснула на теплой и мягкой траве.

– Вставай, чего разлеглась. Я к тебе пришел, а ты лежишь. Поднимайся быстро! – услышала старушка требовательный мужской голос и приподняла тяжелую голову. Была ночь. Только луна едва освещала землю. Возле могилы Нади стоял Олейник с бутылкой в руке. Он почему-то был в светлом костюме. Или бабе Ане так показалось спросонья. Олег нетвердо держался на ногах и поэтому как будто вытанцовывал ритуальные движения возле свежего холмика.

– Что ты наделала, глупая девчонка! Кто тебя просил? Я не просил, нет. И пусть не валят на меня. Ну разлюбил, и что такого? Ну бросил, так всех рано или поздно бросают. Вспомни, как нам было хорошо. Такой горячей девочки, как ты, я теперь нигде не найду. Да, есть что вспомнить. Откуда столько страсти было у такой молоденькой, неопытной. Но я не могу всю жизнь любить одну женщину. Разве это преступление? А что забеременела, так сама виновата, предохраняться нужно было. Я не запрещал.

А ты мне своим бестолковым поступком сильно подпортила жизнь. Я столько бабок влупил из-за тебя! Как же ты, а? Что же ты натворила! Дура!

Он повернулся, чтобы уйти, и даже сделал несколько шагов. Но вдруг остановился, оглянулся и плюнул в сторону могилы.

– Вот сука! – вырвалось у Чикундихи. Олейник остановился и начал оглядываться. Баба Аня вжалась в землю. Она испугалась не на шутку. Пьяный хмыкнул и поплелся дальше, спотыкаясь. Вскоре послышались звуки отъезжающего автомобиля. Бабушка вмиг протрезвела, поднялась и отправилась домой, размышляя над словами совратителя: «Батюшки святы! Так она, оказывается, была беременная. А он ее же и обвинил! Не пожалел, не попросил прощения, не раскаялся, а расстроился из-за бабок! Вот тварь! Да чтоб тебе пусто было! Да чтоб ты сдох еще страшнее Надюшки. Ирод!»

Утром она не вышла из дома. Пришедшие подруги посидели на скамейке возле ее калитки, не меньше часа прождали, обсуждая страшные события последних дней, потом заволновались и вошли в избу. Дверь почему-то оказалась незапертой, хотя раньше Чикунова закрывалась на крючок. Все было чисто и прибрано, только на столе стояла изрядно отпитая литровая бутылка с мутной жидко-

стью. Анна лежала на кровати без признаков жизни...

... Люба и Вера после музыкальной паузы отложили дневник Нади и долго сидели молча.

– Хорошая песня, конечно, но для релаксации не подходит. Она заряжает, а не расслабляет. И вообще у меня такое ощущение после просмотра дневника, как будто еще раз потеряла подругу. Как жить в этом мире, где все решают деньги?

– Не выдумывай, не все они решают, – возразила Вера.

– Ну как же: Олейник, считай, довел Надю до...могилы. А что ему за это было? Ничего.

– Он, конечно, подлец тот еще, – продолжила Вера. – Но не только он виноват в этом несчастье. Ты не задумывалась, почему никто не пристал к тебе или ко мне или еще к какой-нибудь нашей ровеснице?

– Нет. Почему?

– Я долго думала об этом. И вспомнила, знаешь, что? Год назад мы ходили в лес и были свидетелями любвеобильной сцены на поляне. Точнее, мы-то сразу убежали с тобой. А Надя осталась и все видела.

– И что? – удивилась Люба.

– А парень у нее был в 9 классе, у нее одной. У нас с тобой не было.

– У меня, помнишь, в восьмом Юра портфель носил? Но это, конечно, другое. К чему клонишь?

– Она хотела взрослых отношений. Физически хотела, понимаешь, и искала их. Вот на это ее желание и клюнул Олейник. Я так думаю. Взрослые мужчины в таких делах хорошо должны разбираться, – решила Вера.

– Подожди, если смотреть в корень, то надо начинать с семьи. Ты же знаешь, что у тети Лиды не было мужа, а время от времени с ней жили любовники. Надя все это видела и понимала. Наверное, как-то сказался такой образ жизни на ее поведении и тяге к противоположному полу...

– О, Любаша, да ты пошла в поисках корней дальше меня. Конечно, все начинается в семье. У нас с тобой тоже сейчас нет отцов. Точнее сказать, у тебя в областном центре живет и ты с ним можешь видеться, при желании, но долгое время он жил с вами. Ты получила полную семью и воспитание обоих родителей. Я тоже немного помню своего папу, хотя сейчас о нем никто не знает, где он, жив ли. После его отъезда за длинным

рублем, как он говорил, моя мама, как и твоя, не принимала других мужчин в семью и даже ни с кем не встречалась. Мы это видим и понимаем. Надя выросла на другом примере. Кроме того, моя бабушка и твой деда Миша очень правильно нас воспитывали. У Нади таких живых примеров не было.

– Ладно, Вера, Бог им всем судья. Надя воспользовалась своим правом на любовь, как она сказала про Наташу Ростову. Наверное, для нее это было важно.

– Может, точнее сказать, правом на выбор?

– Нет, именно на любовь. Она хотела любить, и Олейник удовлетворил ее желание. Если бы рядом оказался другой мужчина, она пошла бы за ним.

– Все могу понять, вот только не пойму, как Олегу удалось выкрутиться. Никто и расследования не вел, говорят. Пришел один следователь к тете Лиде, написал протокол и уехал. Хотелось, чтобы в жизни была справедливость. Но в этом случае ее не вижу.

– А я думаю, – уверенно произнесла Вера, – что она будет. Обязательно справедливость восторжествует рано или поздно.

Я очень на это надеюсь. И пословица есть такая: «Сколько веревочке ни виться, а конец будет».

– Да, ты права! Вот уже есть один результат: жена Олейника еще в начале августа продала дом, уехала в Россию, говорят, и развелась с ним. А сколько терпела! Я тоже за справедливое возмездие.

– Вот еще что непонятно. Бабушка Чикундиха умерла сразу после похорон Нади.

– Да. И что? – удивилась такому неожиданному переходу Люба.

– Ты думаешь, она сама умерла?

– Да. Она же старая была. И страдала по Наде, и пить стала горькую.

– Еще добавь: и слишком много знала. – Вера не унималась. – И могла рассказать кому-нибудь лишнее. Да. И помешать Олейнику выйти сухим из воды. А жене этого гада кто рассказал про Надю, думаешь, сорока на хвосте принесла?

– Может, ты и права. Она же все про всех знала. Наверняка и про любовь Нади и этого... тоже знала. Думаешь, просто так ее две подружки сорвались сразу после смерти бабы Ани и уехали в неизвестном направлении?

– Вот именно. Ну ладно, помянули Надюшку, и хорошо. Пусть земля ей будет пухом. Поехали завтра в церковь, свечки поставим за упокой. А я еще спросить хочу батюшку: если человек по своей воле перестал жить, но его вынудили к этому, довели до этого, то куда попадет его душа.

– Давай спросим...

ГЛАВА 17

... Подруги Анны Чикуновой действительно тем же утром, когда обнаружили ее мертвой, сообщили участковому, а сами торопливо засобирались в гости к родственникам, от греха подальше. Даже дожидаться похорон усопшей не решились. Только они трое в селе всё знали о романе Нади с Олейником. А он, похоже, убирал свидетелей. Хотя кто знает? Может, случайное совпадение. Но кто будет разбираться? Даже молоденькую Надю Андрееву не захотели защитить, точнее докопаться до истины и наказать виновного. А кто будет их, старух, защищать?

– Куда поедешь? – на всякий случай поинтересовалась Наталья.

– Не скажу. И ты не говори. Не хочу повторить долю Анюты. Если кого-то из нас найдут и про другую будут пытаться, мы ничего не знаем. И все тут.

– Согласна. Может, увидимся еще, когда все успокоится. Время лечит. А Аннушка нас поймет и простит, что не похоронили подружку. Раз такие обстоятельства. Лучше перестраховаться. Жаль только огород бросать, да теперь уж не до него.

В начале августа в Михайловке уже их след простыл.

После похорон несчастной девушки супруга Олейника уехала из села навсегда, доверив развод юристу, а продажу дома риэлтору. Не потому она поторопилась, что боялась чего-то, а просто чаша терпения была настолько переполнена, что это могло сказаться на ее здоровье, в том числе и психическом. Ирина и без того стала замечать, что иногда сама с собой разговаривает вслух. Или сидит на кухне, к примеру, вдруг ей послышится, что в дверь постучали. Открывает, но никого нет. Такие странности всплывали то там, то здесь. «Нет, бежать нужно отсюда! – поняла Ирина. – Спасибо бабе Ане, это она помогла принять решение, сама того не ведая. Начать новую

жизнь никогда не поздно. Тем более что я еще молода».

Она не стала собирать все вещи, взяла только самое необходимое. А еще диплом о высшем образовании – может, и пригодится. Год педагогического стажа у нее уже был. Это мало, но лучше, чем ничего. Она успела понять, что это ее дело, ей интересно работать с детьми, а ученикам интересно с ней.

Ольга Николаевна, услышав об отъезде из села бывшей подруги, нагрянула к ней без предварительного звонка.

– Куда это ты, Ирочка, собираешься? И ничего не говоришь. Скрываешь что-то?

– Привет, Оля! Нет, не скрываю, но очень спешу. Срочные дела.

– Куда поедешь?

– Пока не определилась. Здесь дом продам, а в другом месте куплю.

– У тебя тут и сад, и огород посажен. Все благоухает. Дождалась бы хоть урожая.

– Слушай, а может, ты хочешь мой дом купить? А свой маленький продашь.

– Хорош особняк! Но зачем мне большой. У меня семьи нет и, наверное, уже не будет.

– Кто знает... Но тебя вполне могут назначить директором школы после проводов

Орлова на пенсию. Или есть другие кандидатуры? Может, заместителя по учебной части Айгуль Нурлановну предпочтут?

– Нет, она не согласится. Мы с ней пообщались на эту тему. Если только из райцентра кого пришлют. Пока не знаю, да и рановато еще делить шкуру неубитого медведя.

– Ну что же, Оля, моя институтская подружка. Всего тебе самого хорошего. Будь успешна и ... счастлива.

– Спасибо, – ответила та, удивившись, что даже чаю не предложили.

По дороге домой Ольга Николаевна призадумалась: может, и действительно купить у Ирины дом. Если назначат директором, не стыдно будет и серьезных гостей пригласить.

Ирина Олейник уехала с нажитого места без сожаления. Машину ее видели на объездной дороге: так было стыдно за мужа, который спровоцировал смерть совсем еще молоденькой девушки, что по селу не решилась ехать. Даже ей, ни в чем не виноватой в этой страшной истории, не хотелось попадаться людям на глаза. «Испытывал ли когда-нибудь подобные чувства Олег? Вряд ли», – подумала Ирина, прощальным взглядом окидывая ставшее родным село.

Наталья приняла сестру радушно. Напекла пирогов, купила вина, даже сделала генеральную уборку в доме. Сестры обнялись.

– Ничего, сестренка, прорвемся и без мужиков. Хотя ты у нас молодая и красивая, может, еще найдешь порядочного мужчину. Я тут марафет навела и в доме, и на подворье. Хорошо, что ты приехала, а то неизвестно, когда бы я выбрала время для мытья.

– Я тоже рада видеть тебя, дорогая! Какие мужики! Я уже привыкла быть одна, для меня это не новость: бывший приезжал, как говорят, раз в год по обещанию. Очень редко. Только в последнее время завел себе девочку в нашем селе, вот и появлялся часто, пока она ему не надоела. А девчонка от горя взяла, да и бросилась в реку. То ли утопилась, то ли утонула, так и осталось непонятным. Со стыда сгореть можно. А он даже на похороны не приехал. Хотя... Его бы односельчане убили, наверное, подлеца. Скрывал отношения! Что ты! Я сначала и не знала. Да шила в мешке не утаишь.

– Да, натерпелась ты с мужиком своим. Вот ведь и богатый, и не пьяница, а бабник несусветный. Не бывает, наверное, идеальных-то.

– Что бабник – не самое страшное в нем. Он всех подминает под себя. Как это правильно сказать-то? Он психологически угнетает. Проще говоря, совести у него нет. Не уважает и не любит никого, кроме себя, одна животная страсть к женщинам. И те быстро надоедают.

– Ну ладно, пошлем этого вампира подальше и забудем. Плюнем и разотрем. Я тебя хочу обрадовать. У нас в школе освободилось место учителя русского языка. Планируешь работать?

– Не может быть! Хочу! А как же! Вот здорово, я очень рада.

– Тогда прямо завтра с утра и пойдем устраиваться. У нас тут, кстати, директор мужчина. Да, и молодой, и холостой.

– Ой, не надо сейчас про мужчин. Еще от своего не опомнилась.

– Как скажешь. Садись за стол, сестренка...

... Во второй половине августа Люба с Верой выбрались в областной центр. Погуляли по парку. Денек выдался на славу. Атракционы были усыпаны разноцветными нарядами отдыхающих не хуже новогодних елок. Подружки прокатились на колесе обозрения.

– Смотри! – кричали они, перебивая друг друга. – Сколько высотных зданий понастроили! Ого! По всему городу. А говорят, будто уезжают люди в Россию. Кто тогда в них будет жить? Получается, что есть желающие.

Девушки покатались на других аттракционах, побродили по аллеям парка, постояли возле клумбы с цветами, вдыхая чудесный аромат.

– Ну все, хорошего понемногу. Пошли в храм. Надо еще с батюшкой встретиться. Вечерним автобусом вернемся.

Они пришли в церковь, когда уже началась служба. Девушки повязали платками головы и встали у стены. Прихожан было немного в будний день, но служба продолжалась долго. К сожалению, дождаться окончания не было возможности: торопились на автовокзал. Выйдя за порог, перекрестились.

– Как жаль, что опоздали. В парке задержались, нужно было все-таки пораньше оттуда уйти.

– Ничего, в другой раз сразу пойдем сюда. Мы обязательно узнаем, что хотим, это очень важно.

– Да, узнаем. Но я думаю, что добровольный уход из жизни не может оказаться без-

наказанным там. Это преступление против Творца. Он дает жизнь, он и призывает к себе.

– Скорее всего, ты права. Но меня больше волнует другое: будет ли наказан тот, кто довел другого человека до этого. Должен быть наказан.

– Ну вот и спросим. И будем точно знать.

ГЛАВА 18

Через сорок дней после смерти дочери, отведя поминки, Лида написала заявление на увольнение, взяла конверт и уехала в областной центр. Поселилась в гостинице и начала искать съемную квартиру. Она очень спешила, как будто могла убежать от всего, что на нее навалилось.

Сначала Лидия хотела вернуть деньги. Вот только кому? Кто к ней приходил? Одно ясно, что от Олега. Но с ним она боялась встречаться, потому что считала его виновным в смерти дочери. И еще потому, что могла не сдержаться и сделать что-то ужасное, за которое потом пришлось бы отвечать. От таких, как он, лучше держаться подальше. Лида и дочери это советовала, жаль, что не послушала.

Потом она поняла, что деньги ей сейчас действительно нужны: снять квартиру, остаться на какое-то время одной, прийти в себя и подумать, как жить дальше.

Лида нашла на сайте купли-продажи недвижимости подходящую однокомнатную квартиру в 19 микрорайоне. Новая планировка, свежий ремонт, частично меблирована. Однушка сразу, в отличие от других просмотренных, понравилась женщине. Она переехала за день, оставив все, кроме одежды и обуви, в сельском доме. Кур раздала соседям, огород доверила сотруднице, с которой у нее были более-менее дружеские отношения. На двери повесила замок – и все. Она не знала, когда вернется сюда и вернется ли.

Несколько дней Лида не выходила из квартиры. Но вдруг как-то утром затворница проснулась от настойчивого стука в дверь. «Кто это»? – испугалась она. Не хотела открывать: на сердце лежал тяжелый камень страха, тоски, безысходности. Но тут раздался встревоженный женский голос:

– Есть кто живой? Девушка, с вами все в порядке? Если да, откройте немедленно, а то я в полицию позвоню.

Лида накинула халат и подошла к двери.

– Кто там и что вам нужно?

– Слава Господу – живая! Милая, я перепугалась: ты вошла – и тишина. И так несколько дней. Открой, милая.

Пришлось выполнить просьбу. На пороге стояла пожилая женщина лет семидесяти пяти. В ситцевом платье, на голове – цветастый платок, из-под которого выбивались совершенно седые волосы. Она вошла, радостно улыбаясь. Обняла Лиду, и вдруг та заплакала навзрыд, в ответ крепко прижав к груди маленькую, худенькую гостью. Та все поняла.

– Что у тебя стряслось, милая, рассказывай, легче будет.

– Я дочь потеряла. Нет, я ее погубила. Нет, я ее просмотрела. Я одна виновата, и нет мне прощения.

– Подожди, – сказала гостья, садясь на краешек дивана. – Меня зовут Таисья Петровна. Я твоя соседка, вот здесь, через стенку живу. А как твое имя, милая?

Лида успокоилась и рассказала все без утайки про Надю и Олега. Соседка неожиданно спросила:

– Ты сегодня что-нибудь ела или пила?

– Нет еще. Ничего не хочется.

– Понятно. Собирайся, пойдём в храм. На утреннюю службу. Там поговорим с батюшкой.

Они пришли в кафедральный собор. Лида ни разу не была ни в одном храме и с удивлением разглядывала интерьер. Таисья Петровна тем временем заглянула в подсобное помещение и посоветовалась с женщиной в белом платке и длинном темном платье.

– Пойдем, милая. Исповедаться тебе надо. Сегодня батюшка Петр принимает прихожан. Не нужно его бояться, расскажи ему все, как мне рассказала.

Вышел пожилой священник и внимательно посмотрел на Лиду. Потом спокойно произнес:

– Пойдем, сестра. Расскажи все, что считаешь нужным.

Долго слушал, внимательно глядя в глаза. Когда она закончила, вытирая мокрое лицо концами платка, спросил:

– Раскаиваешься?

– Очень раскаиваюсь, очень раскаиваюсь!
– закричала Лида, и слезы вновь хлынули ручейками.

– Это хорошо. Это правильно. Приходи к нам каждый день, сестра. Здесь ты многое

поймешь и осознаешь. Бог милостив, скоро почувствуешь облегчение. Только дождись причастия. Не покидай храма.

– Бог простит меня?

– Надеемся на это. Бог милостив. Не ты в этой ситуации главная виновница.

– А дочь мою простит?

– Не стану зря обещать: известно, что самоубийство – страшный, смертный грех. Молиться за нее даже нельзя. Плохо, что девочка твоя не пришла к нам, не рассказала, не покаялась. Еще хуже, что и ты не пришла вовремя. Теперь уже ничего сделать нельзя.

– Батюшка, а тот, который Надю, как это назвать, довел до греха... Тот – грешник?

– Однозначно. Даже думать плохо о другом человеке, грубым словом обидеть запрещено. А уж если так жестоко поступил, то еще какой грешник. Я уже не говорю о его злом прелюбодеянии. А доведение до самоубийства – это чуть ли не самое плохое, что может быть. Даже если оно не доказано и не было суда, сам факт о себе говорит.

Лида с Таисьей Петровной после окончания службы пошли домой, но, поднявшись на третий этаж, где жили обе в одном крыле, повернули к двери соседки. Не сговариваясь.

– Ну как, чувствуешь облегчение?

– Не знаю. Нет.

– Ты мне не все рассказала?

– Нет.

– Сейчас согрею воды, чаю попьем и поговорим.

Таисья Петровна пододвинула к дивану журнальный столик и поставила вазочку с домашним печеньем. Потом принесла чай в маленьких кружечках с блюдечками, видимо, из сервиза. Их называют чайной парой.

Лида отхлебнула глоток и стала рассказывать о своей жизни. Потом призналась, что испугалась незваного гостя и взяла деньги. На них и сняла эту квартиру.

– Он пригрозил, что пойду вслед за дочерью. Спокойно так сказал и даже улыбнулся как-то дико. Страшный человек.

– Так, может, это убийство было, а не суицид? Это же совсем другое дело.

– Никто не знает. В заключении патологоанатома как-то расплывчато написано, что утопление произошло из-за несчастного случая. Как он это определил, утопление оно и есть утопление. Но священника не приглашали. Почему?

– Да, это дело темное. Сама-то как думаешь?

– Если бы знать, как было. Но теперь разве кто скажет. Знаю, что она беременная была, а в документе не сказано об этом.

– Ну понятно. Всех подкупил. Все с рук сошло. Но это здесь только, в земной жизни, может быть. И то не факт, что избежит наказания. А там-то уж гореть ему однозначно. Он и пришел сюда не от Бога. Я так думаю. Давай отдохнем, слишком много информации. А завтра поговорим, как дальше жить. Согласна?

Лида сонно кивнула, встала и медленно пошла к дверям...

... Перед началом занятий Люба с Верой опять поехали в областной центр. Не отвлекаясь от главной цели, пошли сразу в храм, расположенный недалеко от вокзала. В иконной лавке купили крестики. Поговорить со священником, наконец, удалось. То, что они узнали, довело обеих до рыданий, хотя именно такой ответ они и предполагали услышать.

– Что же она наделала, Надюшка наша! Уже ничем не помочь...

– А этого гада ждет кара небесная. Но кому от этого легче. Нельзя делать необдуманных

поступков, если ты в сознании находишься. Слышала, батюшка спросил, не было ли у нее психического заболевания. Вроде, не было раньше. Мы бы заметили. Обиделась очень, расстроилась, ну и разочаровалась в жизни, видимо...

– Ей бы в храм сходить и покаяться, с батюшкой посоветоваться, да никто не подсказал.

– А кто знал-то. Только мать. Но и она в храм не ходила. Да и все наши, наверное, здесь редкие гости.

– Мы про всех не знаем. Может, и не редкие вовсе. Жаль, что в селе нашем церковь разрушена, да и в соседних тоже. Зато в райцентре есть небольшая. Туда тоже можно ездить.

Эпилог

Прошло четыре года. Подружки окончили школу, потом колледжи и с дипломами возвратились домой, в родную Михайловку. Они шли от автобусной остановки с тяжелыми сумками на колесиках. Люба остановилась, прислонилась спиной к березе.

– Вера, посмотри, какое небо чистое? Какая голубизна бездонная!

– А запах трав и цветов потрясающий!
– подхватила Вера. – Как можно все время жить в городской квартире без этого всего!

– Один поэт сказал: «В суету городов и в потоки машин возвращаемся мы – просто некуда деться...». Кстати, это Высоцкий. Помнишь, мы слушали одну его песню. Куда им деться – горожанам. Но могут чаще бывать на природе. Кто им не дает. У многих дачи. Опять же – целое лето на свежем воздухе.

– Да, наверное, выходят из положения.

– Ты нашла работу в нашем селе?

– Да, конечно. Первый класс пока не дали, это самый сложный, говорят, этап. На малышей поставят опытную учительницу Айну Мукашевну, я же поведу дальше ее второклашек. А ты где устроилась?

– Пока не знаю. В поликлинике мест нет. Может, в школу медработником возьмут. Мама договаривается. Если не получится, в райцентр уеду.

– Тоже неплохой вариант. Кстати, ты слышала последние новости об Олейнике?

– Ой, о нем даже вспоминать противно.

– Значит, не слышала... Посадили его.

– Да ладно!

– Да, Любаша. Справедливость есть на свете. Помнишь, мы говорили об этом после похорон Нади?

– Как это он не откупился? Денег-то навалом. Пожадничал что ли?

– Не все меряется деньгами, как он думал. Случай очень похож был на Надин. Он соблазнил несовершеннолетнюю девушку, кажется, ей было всего 15 или 16, а она забеременела. Родители узнали и обратились к влиятельным родственникам в Астане. Там один депутат, другой в прокуратуре значительное место занимает. Не то что у Нади – одна мама, которую припугнули, и этого было достаточно. Да, ну и подкупили тогда кого надо. А сейчас этому гаду деньги не помогли.

– Так девушка тоже погибла?

– Нет, слава Богу. До этого не дошло.

– И сколько дали?

– К сожалению, пока не знаю, не спросила. Но суд был показательным. Потом свяжусь с Викой и спрошу. У меня одноклассница – родственница судьи. Случайно разговорились на эту тему, она и просветила меня. Олейник здесь повсюду наследил, его давно бы пора наказать, да все не получалось. Заявления никто не подавал, смертей после

Нади, к счастью, не было. Но сколько веревочке ни виться, а конец будет. Вот и пришло оно, справедливое возмездие.

– Нет, я хочу прямо сейчас узнать, сколько ему дали. Звони, это очень для меня важно. Я слышала, в местах заключения таких не жалуют, издеваются над ними.

– Знаю об этом. И поделом ему.

Люба достала из кармана телефон и набрала номер Вики, включив громкую связь. Та поведала, что совратителю дали двенадцать лет, потому что пострадавшая сказала, что Олейник обманом зазвал ее в квартиру и изнасиловал. А это совсем другая статья.

– Ого! Долго будет расплачиваться за преступление! Так ему и надо! Ну ладно, хватит о грустном. Давай свернем на Надину улицу, посмотрим хоть на дом. Неужели до сих пор закрытый стоит? Говорят, тетя Лида замуж в городе вышла, но сюда так и не приехала ни разу. Потом на кладбище зайдем, навестим подружку.

– Давай на могилку завтра с утра, сейчас только мимо дома Нади пройдем. Потом уже не спеша ко всем нашим заглянем, всех нужно навестить на кладбище.

– Хорошо, ты права.

У Любы зазвонил телефон. По изменившемся голосу подруги, нежному и ласковому, было понятно, что это ее одноклассник и бойфренд Саша. Вера потихоньку пошла дальше, она знала, что молодой человек сразу же будет поступать в медицинский вуз, поэтому о свадьбе пока не говорит. Но она обязательно будет.

Взволнованная подруга догнала Веру. Вот и дом Лидии. Ставни открыты, калитка тоже. В палисаднике мальвы подняли разноцветные головки. Девушки подошли ближе. Неужели Лидия вернулась? Наконец-то. Несколько лет дом закрытый стоял, и вот ожил.

Люба и Вера вошли во двор. Лидия развешивала на веревке детское белье. Девушки пожелали ей доброго утра. Навстречу подружкам выбежала рыжая девчушка лет трех.

– Смотри-ка, как на Надю похожа. Ты кто, малышка?

– Я Танюшка, а вы кто?

– А как твою маму зовут?

– Лида. А вы кто?

– Подожди, солнышко, мы о себе потом расскажем. А с кем ты живешь здесь?

– С мамой и папой. А еще у меня есть сестренка Надя. Только она на небе живет, но нас всех видит. А вы кто?

– Мы подруги твоей сестры Нади. В школе вместе учились.

Лида с пустым тазом подошла к девушкам. Обнялась с каждой.

– Заходите в дом, посидим немного.

Подруги согласились. Лидия налила чаю, поставила вазу с печеньем и конфетами, присела рядом.

– Когда прошло сорок дней после смерти дочери, я уехала отсюда. Жить здесь было невозможно. Сняла квартиру, познакомилась с хорошей женщиной – моей соседкой. Она привела меня в храм. С тех пор очень многое изменилось. Я вышла замуж, Танюшка родилась. Вы моего мужа хорошо знаете, это ваш бывший учитель физкультуры Сергей Павлович. Он сейчас в городской гимназии работает. А я вот с малышкой, в декрете сижу. Ей скоро три года будет, пойдет в детский сад в сентябре, а я – на работу. В том же саду продолжу работу помощницей воспитателя. А вы как поживаете? Насовсем вернулись или погостить?

– Насовсем, тетя Лида, – ответила Вера.

– Девочки мои милые! Как вы повзросле-
ли, похорошели! Я вам желаю счастья. Вы
молодцы! Получили специальности и верну-
лись в родное село.

– Спасибо, тетечка Лидочка. Вам тоже сча-
стья, здоровья и всего хорошего. Нам пора.
Еще увидимся.

– Дай-то Бог!

Лида проводила подружек Нади за ворота
и долго смотрела им вслед. Потом подняла
глаза к голубому бездонному небу, по кото-
рому плыли легкие, пушистые облачка. На
душе было светло и спокойно. Прибежала
потерявшая маму Танюшка. Лида подняла ее
на руки и крепко прижала.

– Доченька моя родная, у нас все будет хо-
рошо!

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	70
Глава 12	80
Глава 13	85
Глава 14	92
Глава 15	99
Глава 16	106
Глава 17	114
Глава 18	121

**Валентина
ГВОЗДЕВА**

ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

Фото на обложке: Chermiti Mohamed (на Unsplash).
Верстка: Ржавина Е.В.

Подписано в печать 09.06.2023 г.
Формат 60X84 1/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. 8.5 усл.п.л.

Отпечатано в ТОО «Издательство «Северный Казахстан»
150001, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.

